ENLEVEMENT DES ENFANTS HILKOFF.
Receuil ... ion de V. Tchertkoff.

ПОХИЩЕНІЕ ДѢТЕЙ ХИЛКОВЫХЪ

Матеріалъ собранъ

Владиміромъ Чертковымъ.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Изданіе „Свободнаго Слова".

№ 49.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1901.

ПОХИЩЕНІЕ ДѢТЕЙ ХИЛКОВЫХЪ.

Свѣдѣнія собранныя Владиміромъ Чертковымъ.

Года за два передъ моимъ изгнаніемъ изъ Россіи, я задался цѣлью собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о гоненіяхъ русскаго правительства противъ различныхъ, такъ называемыхъ, сектантовъ, т. е. людей, въ вопросахъ вѣры отдающихъ предпочтеніе голосу совѣсти передъ требованіями государственной церкви. Разглашеніемъ истины о неимовѣрныхъ жестокостяхъ, совершаемыхъ надъ этими мучениками за совѣсть, я надѣялся заинтересовать общественное мнѣніе и обратить вниманіе высшихъ правительственныхъ лицъ на тѣ ужасы, которые совершаются отъ ихъ имени, но часто безъ ихъ вѣдома, надъ сотнями тысячъ ни въ чемъ не повинныхъ людей.

Благодаря стекавшейся ко мнѣ весьма обширной перепискѣ по этому предмету, я предвидѣлъ, что наиболѣе отвѣтственные въ этомъ дѣлѣ представители власти должны были рано или поздно узнать о скопленіи въ моихъ рукахъ столь компрометирующаго ихъ матерьяла, и что они естественно постараются отнять его у меня.

И дѣйствительно, нѣсколько обысковъ были за эти два года произведены какъ у меня на квартирѣ во время моего отсутствія, такъ и у друзей, помо-

гавшихъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ; но къ счастью самыя цѣнныя бумаги не были захвачены.

Послѣ распространенія нами въ обществѣ и высшей правительственной средѣ сообщенія объ особенно вопіющихъ по своимъ размѣрамъ и дикой жестокости гоненіяхъ противъ кавказскихъ духоборовъ, правительство рѣшилось путемъ ссылки отдѣлаться отъ насъ. Тогда лица, наиболѣе причастныя къ совершаемымъ надъ сектантами беззаконіямъ, очевидно спохватились, что для нихъ слишкомъ рискованно отпустить меня за границу со всѣми собранными мною свѣдѣніями, разоблачающими истинное положеніе дѣла. Иначе, по крайней мѣрѣ, невозможно объяснить рѣшенія правительства похитить всѣ бумаги у человѣка уже приговореннаго къ изгнанію за предѣлы государства.

И вотъ, послѣ того, какъ вопросъ о моей высылкѣ былъ уже рѣшенъ, утромъ того дня, когда мнѣ должны были о ней объявить, я подвергся нападенію со стороны подосланной русскимъ правительствомъ шайки жандармовъ, полицейскихъ и сыщиковъ. Оставивъ карету, въ которой они подъѣхали, за угломъ ближайшей улицы, они изподтишка подкрались къ моей квартирѣ и, внезапно ворвавшись въ нее, совершили порученный имъ грабежъ.

Въ числѣ захваченныхъ бумагъ находился весь матерьялъ для составлявшейся мною и почти уже оконченной книги о похищеніи дѣтей друзей моихъ, Дмитрія Александровича Хилкова и его жены, Цециліи Владиміровны, — совершенномъ Императоромъ Александромъ III.

Къ счастью, за нѣкоторое время передъ тѣмъ, я для большей безопасности отослалъ для сохраненія въ Англію копію съ нѣкоторой части этого матерьяла, благодаря чему имѣю теперь возможность возстановить кое-какіе уцѣлѣвшіе осколки моей

книги; а именно: мое предисловіе къ ней, записки Д. А. Хилкова о своей жизни, составленныя имъ по моей просьбѣ, и нѣкоторыя письма, описывающія самое похищеніе дѣтей и отношеніе къ нимъ ихъ матери.

Въ виду вышеизложеннаго, позволяю себѣ разсчитывать на снисходительность читателя къ неизбѣжной, въ настоящемъ случаѣ, отрывочности изложенія. Надѣясь когда нибудь въ будущемъ возстановить, на сколько возможно, все содержаніе книги, я однако не чувствую себя въ правѣ держать долѣе подъ спудомъ тѣ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, которыми сейчасъ располагаю. И потому я рѣшился теперь же предать ихъ гласности въ томъ неполномъ видѣ, въ которомъ они здѣсь предлагаются читателю.

Перлей, 4 Апрѣля 1898 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НЕИЗДАННОЙ КНИГѢ. *)

Въ прошлое царствованіе Императора Александра III, въ числѣ многихъ лицъ, подвергаемыхъ жестокимъ гоненіямъ за то, что ихъ религіозныя убѣжденія не совпадали съ ученіемъ православной церкви, жилъ въ ссылкѣ на Кавказѣ Дмитрій Александровичъ Хилковъ съ женою своею, Цециліею Владиміровною, и двумя горячо любимыми дѣтьми: Борисомъ, пяти, и Ольгою, трехъ лѣтъ.

21 октября 1893 года, семья эта стала жертвою неслыханнаго злодѣянія. На нее неожиданно напали нѣсколько человѣкъ, насильно вырвали дѣтей изъ рукъ родителей и увезли съ собою.

Преступленіе это было такъ ловко подготовлено и обставлено такими исключительными условіями, что родители не имѣли ни малѣйшей возможности ни воспрепятствовать его совершенію, ни выручить своихъ дѣтей, вотъ уже пять лѣтъ, изъ рукъ похитителей.

Дѣло это было совершено среди бѣла дня, на глазахъ всего мѣстнаго населенія, и вызвало во всѣхъ свидѣтеляхъ самое глубокое возмущеніе. Всѣ

---

*) Предисловіе это я здѣсь привожу потому, что оно объясняетъ мотивы, побудившіе меня огласить свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, равно какъ и вообще — принимать участіе въ подобныхъ изданіяхъ.—В. Ч.

чувствовали живѣйшее состраданіе къ жертвамъ преступленія; и, не смотря на это, никто не рѣшился заступиться и помѣшать тому, что̀ совершалось.

Причиною этому было то, что злодѣяніе совершалось мѣстными полицейскими властями, и — по приказанію русскаго царя.

Не менѣе замѣчательно и то, что ближайшею руководительницею и участницею этого преступленія была родная мать отца похищенныхъ дѣтей, княгиня Юлія Петровна Хилкова.

Предлагаемая читателю книга послѣдовательно и подробно излагаетъ всѣ обстоятельства, связанныя съ этимъ дѣломъ.

Жизнь дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и главное событіе здѣсь описанное, сами по себѣ такъ своеобразны и трогательны, что, уже по одному своему драматизму, несомнѣнно представятъ большой интересъ для читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди, слѣдящіе за современнымъ состояніемъ общественной и административной жизни Россіи, найдутъ на этихъ страницахъ много цѣннаго, въ этомъ отношеніи, матерьяла. Наконецъ, противники существующаго въ Россіи государственнаго строя будутъ рады здѣсь привѣтствовать новое подтвержденіе его несостоятельности.

Тѣмъ не менѣе ни одно изъ этихъ соображеній, —ни снабженіе читателя занимательнымъ чтеніемъ, ни описаніе современныхъ русскихъ нравовъ, ни доставленіе пищи для антиправительственнаго злорадства, — не служили для меня цѣлью при составленіи и изданіи этой книги.

Задача моя совсѣмъ иная. Желая познакомить возможно большее число людей съ истиннымъ характеромъ этого вопіющаго по своей несправедливости и неимовѣрной жестокости событія, я надѣюсь,

что, при Божьей помощи, разоблаченіе это можетъ принести нѣкоторую практическую пользу: во первыхъ, тѣмъ братьямъ моимъ, которые подобно Хилковымъ, подвергаются въ Россіи преслѣдованіямъ за совѣсть и становятся жертвами самаго слѣпаго, ничѣмъ не обузданнаго произвола; во вторыхъ, самимъ представителямъ этого произвола, показывая имъ, въ какія гнусныя дѣла они, на этомъ пути, могутъ быть вовлечены, часто даже сами не вѣдая, что̀ творятъ; въ третьихъ, тому несчастному обществу, которое не только безъ сопротивленія, но даже безъ протеста допускаетъ совершеніе подобныхъ звѣрствъ въ своей средѣ, иногда также не сознавая ихъ дѣйствительнаго значенія; и, наконецъ, всѣмъ ищущимъ и жаждущимъ правды, знакомя ихъ съ тѣмъ радостнымъ движеніемъ къ свѣту, которое въ настоящее время совершается въ Россіи, съ тѣмъ бо̀льшимъ напряженіемъ, чѣмъ жесточе становится безумное его преслѣдованіе со стороны церкви и государства. *)

---

*) Разглашеніе правды особенно желательно въ настоящемъ случаѣ еще и потому, что дѣло это могло быть приведено въ исполненіе единственно вслѣдствіе предварительнаго введенія въ заблужденіе того лица, отъ имени котораго оно было совершено; и что и до сихъ поръ относительно матери отнятыхъ дѣтей ея недоброжелатели продолжаютъ распространять самую злую клевету. Быть можетъ изложенная здѣсь правда какимъ нибудь путемъ дойдетъ до свѣдѣнія нынѣшняго Государя, и, кто знаетъ, быть можетъ, Богъ тронетъ его сердце и раскроетъ ему его святую обязанность, не смотря на всѣ воздвигнутыя передъ нимъ затрудненія и препятствія, исправить, наконецъ, совершенную ошибку, и, — лучше поздно, чѣмъ никогда, — вернуть безутѣшно тоскующей матери то, что̀ для нея дороже самой жизни, и что̀ по всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ принадлежитъ ей, и ей одной. Такимъ распоряженіемъ Государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалъ бы истинную услугу памяти своего отца, которую онъ очистилъ бы отъ одного изъ злѣйшихъ поступковъ, когда либо совершенныхъ.

Желательно, чтобы возможно бо̀льшее число людей узнало правду объ этомъ дѣлѣ. Если мы не обладаемъ средствами для непосредственнаго предупрежденія и пресѣченія преступленій, постоянно совершаемыхъ вокругъ насъ представителями дикаго самодержавнаго произвола, — мы, во всякомъ случаѣ, можемъ не оставаться равнодушными къ совершаемому злу. Наша первая и вполнѣ осуществимая обязанность — смотрѣть правдѣ въ глаза и называть вещи ихъ именами. Если возмутительныя дѣла уже непремѣнно должны совершаться среди насъ, то пусть они, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно возмущаютъ насъ; и пусть общественное мнѣніе клеймитъ ихъ своимъ негодованіемъ и презрѣніемъ. Въ этомъ — единственный залогъ для улучшенія въ будущемъ.

Такъ и въ данномъ случаѣ, скажемъ прямо и просто, что похищеніе дѣтей у ихъ родной матери, есть грѣхъ, есть преступленіе, и притомъ — одно изъ жесточайшихъ, которое человѣкъ можетъ совершить надъ человѣкомъ. Все равно, кѣмъ и для какой цѣли оно совершается, — разбойникомъ ли для своей личной выгоды, фанатикомъ ли для торжества своей идеи, или царемъ для предполагаемой государственной пользы, — злодѣяніе всегда останется злодѣяніемъ, и такъ и слѣдуетъ его называть.

Русское правительство, постоянно совершающее подобныя дѣла, хорошо понимаетъ значеніе общественнаго негодованія, и потому больше всего на свѣтѣ боится огласки этихъ поступковъ. Тѣмъ болѣе намъ, представителямъ общества, слѣдуетъ держать глаза открытыми и во всеуслышаніе высказывать свое мнѣніе. Если не посредствомъ подцензурной печати, то другими путями, мы всегда имѣемъ возможность узнавать и передавать другъ

другу истину о томъ, что̀ такъ тщательно скрывается или сообщается въ извращенномъ видѣ тѣми, кто боятся свѣта, потому что дѣла ихъ злы.

Еще одно побужденіе руководило мною при составленіи этой книги. Если дѣтямъ, о которыхъ въ ней идетъ рѣчь, въ настоящее время воспитываемымъ у похитившей ихъ женщины, суждено дожить до зрѣлаго возраста, я хотѣлъ бы, чтобы они могли здѣсь найти правдивыя и точныя свѣдѣнія о прошлой жизни своихъ родителей, которыя воспитателями этихъ дѣтей конечно будутъ или совершенно отъ нихъ скрыты, или сообщены въ самомъ извращенномъ видѣ.

Вамъ, Боря и Оля Хилковы, посвящаетъ эту книгу другъ вашихъ родителей, въ надеждѣ, что проникнутые тѣмъ же чуткимъ сознаніемъ добра и тою же преданностью къ правдѣ и справедливости, которыя отличали вашу мать и вашего отца, вы въ свое время, при Божьей помощи, сможете отвѣтить на неизбѣжно предстоящій вамъ вопросъ, и сами для себя рѣшить, въ чемъ добро и правда, въ чемъ истинная любовь: въ томъ ли, ради чего совершалось надъ вашими родителями все это безчеловѣчное и гнусное насиліе, или же въ томъ, ради чего ваши родители жертвовали собою съ такимъ мужествомъ и самоотверженіемъ?

Ржевскъ, Декабрь 1896 г.

ЗАПИСКИ Д. А. ХИЛКОВА.

Военную службу я выбралъ добровольно. Въ 1875 году, 17-ти лѣтъ, я былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ. Въ 1877 году, по объявленіи войны, полкъ, въ которомъ я служилъ, не былъ назначенъ въ дѣйствующую армію. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось быть переведеннымъ на Кавказъ, гдѣ, по моей просьбѣ, меня назначили въ линейный казачій полкъ. Вскорѣ стали формировать охотничьи команды, и я сдѣлался начальникомъ одной изъ нихъ.

Ѣхалъ я на войну по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что считалъ войну цѣлью всей предыдущей своей работы, своего ученія; а во вторыхъ, потому что чувствовалъ, что пустая и безалаберная жизнь офицера внѣ службы начинаетъ меня втягивать въ себя. Хотя я ревностно занимался службой и считался хорошимъ офицеромъ, но надо же было наполнять чѣмъ нибудь свободное отъ службы время. И наполнялъ я его тѣмъ, чѣмъ способенъ былъ наполнить, и къ ужасу своему сталъ замѣчать, что эта жизнь хочетъ „завладѣть“ мною. Надо было высвободиться, и я уѣхалъ на Кавказъ.

Первое время на войнѣ я видѣлъ только показную, красивую сторону. Но скоро сталъ замѣчать

и обратную. Находясь въ распоряженіи начальника отряда, я могъ видѣть все дѣло, познакомиться съ главными начальниками. И тутъ меня поразило нѣчто, чего я никакъ не ожидалъ. Большинство этихъ начальниковъ думали лишь о себѣ и не задумывались губить все дѣло или тысячи народа, если надѣялись этимъ повредить другому начальнику или получить награду.

Я скоро увидѣлъ, что на дѣлѣ происходитъ совершенно обратное тому, что̀ я ожидалъ. Я разочаровался, и мнѣ стало жаль безотвѣтныхъ, обманутыхъ солдатъ, съ которыми, дѣйствительно, обращались, какъ съ пушечнымъ мясомъ. Главной моей заботой стало сберечь тѣхъ казаковъ, которые были подъ моимъ начальствомъ.

Вечеромъ 8-го Августа, начальникъ кавалерійскаго отряда, князь Чавчавадзе, позвалъ меня и приказалъ ночью напасть на кавалерійскій лагерь впереди главныхъ силъ Мухтара паши. Зная, что на обратномъ пути мы должны наткнуться на турецкій баталіонъ, который обыкновенно ночевалъ впереди отряда, и что поэтому никто изъ насъ, по всей вѣроятности, не вернется живымъ, я просилъ насъ туда не посылать, ибо понималъ, что нападеніе на маленькій кавалерійскій отрядъ не можетъ повліять на ходъ войны. Князь Чавчавадзе отвѣтилъ, что знаетъ о батальонѣ, и все таки приказываетъ идти.

Мы отправились, дошли до палатокъ и застали турокъ спящими. Тутъ начались вещи, о которыхъ мнѣ непріятно вспоминать теперь, но о которыхъ я тогда не думалъ. Отдѣлившись отъ казаковъ, я наѣхалъ на двухъ турокъ, изъ которыхъ одинъ сунулъ въ меня ружьемъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ выстрѣлить, и выстрѣлилъ изъ револьвера, бывшаго у меня въ рукѣ, въ упоръ ему въ голову. Онъ

упалъ. Падая, онъ выпустилъ изъ рукъ гнѣдую лошадь, которую держалъ за поводъ. Другой убѣжалъ. Я поѣхалъ за нимъ, крикнувъ: „гнѣдая лошадь моя!“ Убѣгающій турокъ держалъ въ поводу сѣрую лошадь. Мнѣ хотѣлось отнять эту лошадь. Я его догналъ. Онъ упалъ на колѣни. Только что я хотѣлъ взять лошадь, слышу за собою топотъ. Я крикнулъ: „мой турокъ!“ но въ это время кто-то толкнулъ меня и шашкой ударилъ стоящаго на колѣняхъ турка. Онъ пустилъ лошадь, и она убѣжала. Въ ударившемъ турка я узналъ одного знакомаго офицера, не нашего отряда, добровольно присоединившагося къ намъ. Я сказалъ ему нѣсколько непріятныхъ для него вещей и поѣхалъ отыскивать свою гнѣдую лошадь. Стало разсвѣтать. Изъ главнаго турецкаго лагеря бѣжала пѣхота, намъ на помощь выступилъ нашъ отрядъ, но все таки мы насилу ушли,

Всѣ говорили мнѣ лестныя вещи; но мнѣ было какъ то не весело, и, какъ это ни странно, но главной причиной была неудача съ сѣрой лошадью. Трофеями были 11 лошадей и два турецкихъ офицера. Цѣлый день мнѣ было какъ то не по себѣ; но я не могъ отдать себѣ отчета о причинѣ. Все мнѣ вспоминалась сѣрая лошадь. Вечеромъ я легъ спать. Ночью проснулся и въ первый разъ подумалъ объ убитомъ мною туркѣ и ясно созналъ, что все дѣло въ немъ. Я не могъ уже заснуть, и турокъ стоялъ у меня передъ глазами. Лица его я къ счастью не видѣлъ, но фигуру его, — онъ былъ въ башлыкѣ, и башлыкъ торчалъ конусомъ,— помню до сего дня.

Утромъ не только не стало легче, но все становилось тяжелѣе. Я почувствовалъ, что не могу больше оставаться въ отрядѣ,—что долженъ снять съ себя грѣхъ убійства; долженъ ѣхать въ Алек-

сандрополь и тамъ говѣть. Такъ какъ я былъ присланъ въ распоряженіе Великаго Князя, то сталъ обдумывать, какъ къ нему пойти и попросить отпустить меня изъ отряда.

Когда я разсказалъ о своихъ мученіяхъ и о своей рѣшимости своему товарищу, Князю Г. Орбеліани, жившему со мной въ палаткѣ, онъ принялъ это за шутку; а потомъ сталъ меня отговаривать. Но видя, что ничего не помогаетъ, и желая помѣшать мнѣ покрыть себя позоромъ, онъ пошелъ посовѣтоваться съ однимъ полковникомъ, котораго мы уважали за то, что онъ держался вдали отъ главной квартиры. Вечеромъ этого же дня, этотъ полковникъ, (Валуевъ, старшій сынъ бывшаго министра), прислалъ казака за мной чай пить. Я пошелъ. Онъ прямо сказалъ мнѣ, что Орбеліани все ему разсказалъ, и что онъ не одобряетъ моего намѣренія и считаетъ его безсмысленнымъ. Я возразилъ, что житья мнѣ нѣтъ отъ убитаго мною турка, и что я долженъ снять съ себя этотъ грѣхъ.

„Да, можетъ быть, вы боитесь“, сказалъ онъ мнѣ.

Я отвѣтилъ, что, конечно, въ сраженіи довольно страшно, но что не это есть причина, по которой я хочу просить отпустить меня изъ отряда, а что все дѣло въ туркѣ, — что я не могу убивать и долженъ снять съ себя грѣхъ, и для этого говѣть.

„Все это глупости“, сказалъ Валуевъ, „изъ отряда васъ не пустятъ, а говѣнье не поможетъ. Если вы говорите правду и уѣхать хотите не оттого, что боитесь, а оттого, что не хотите убивать, и хотите снять съ себя грѣхъ, то я могу вамъ сказать, что̀ сдѣлать: оставайтесь здѣсь, идите куда пошлютъ, только никого не убивайте; вѣдь вамъ же не приказываютъ убивать. Забудьте, что у васъ есть оружіе, и когда опять турокъ въ упоръ нацѣлится въ васъ, стойте смирно, не защищайтесь. Если вы

будете убиты, то этимъ и искупите свой грѣхъ убійства; а, главное, навѣрное узнаете, на сколько вы въ самомъ дѣлѣ не можете убивать“.

Слова эти мнѣ показались чрезвычайно справедливыми. Я остался въ отрядѣ и впослѣдствіи имѣлъ случай провѣрить какъ ихъ справедливость, такъ и себя на дѣлѣ.

Послѣ 8-го Августа, я заболѣлъ дисентеріей, но въ госпиталь не ложился, и мнѣ все дѣлалось хуже. Наконецъ, около 10 Сентября, пріѣхавъ съ ночной поѣздки, упалъ въ обморокъ и очнулся въ госпиталѣ, въ Александрополѣ. Тамъ сталъ поправляться, но, услышавъ 26 числа пальбу, потихоньку ушелъ и поѣхалъ въ отрядъ. Мнѣ очень еще не здоровилось.

3-го Октября, когда было большое сраженіе съ Мухтаромъ, конница нашего отряда была въ резервѣ. Было очень скучно. Турки зажгли степь, такъ что ничего не было намъ видно. Намъ такъ надоѣло, что мы, не спросясь, поѣхали впередъ. Отъѣхавъ верстъ десять, мы пріѣхали къ Малымъ Ягнамъ. Это — гора, на которой былъ турецкій отрядъ. Командовалъ, какъ мнѣ говорили, пруссакъ Кафтанъ Паша. Сколько эту гору ни брали, ни разу взять не могли. Вдругъ, мы видимъ, турки уходятъ. Насъ было человѣкъ 40, и мы близко подъѣхали. Турки не удостоили насъ вниманія. Наконецъ турки сошли съ горы, а наша конница, (два или три полка, не помню), показалась вдали. Видя, что никого на горѣ уже нѣтъ, мы туда поскакали. У меня была хорошая лошадь, и я съ однимъ казакомъ далеко опередили другихъ. Когда подскакивали къ горѣ, то вдругъ изъ за камня встаетъ турокъ и цѣлитъ въ насъ изъ ружья. Было до него шаговъ 50, а мы на него скачемъ. Я дернулъ

лошадь въ сторону, онъ выстрѣлилъ, козаку черкеску пробилъ, и лошадь у одного казака, что̀ сзади ѣхалъ, убилъ. Я выхватилъ револьверъ, да въ него выстрѣлилъ.

Мы остановились. Смотрю — онъ ружье заряжаетъ. Я очень испугался и закричалъ казаку, что̀ со мной скакалъ: „къ нему скорѣй!“ И самъ къ нему понукаю лошадь. Зарядить онъ не успѣлъ, но не струсилъ, а взялъ ружье за стволъ и замахнулся. Казакъ раньше подъѣхалъ, турокъ его ударилъ прикладомъ, да попалъ по передней лукѣ и сѣдло раздробилъ. Казакъ ружье ухватилъ, а турокъ тянетъ.

Онъ мнѣ очень понравился. Нисколько то онъ насъ не испугался. Подъѣхали казаки, и братъ того, у кого турокъ лошадь убилъ, хотѣлъ его убить, но я не далъ.

Потомъ поѣхали на гору въ оставленный лагерь. Казаки мои разбрелись. Я сталъ ихъ собирать и поѣхалъ съ горы. Уже солнце садилось. Со мною было человѣкъ 6—7. Стало уже почти совсѣмъ темно. Мои казаки просились ѣхать за турками, и мы отправились. Скоро наткнулись на брошенную арбу съ поклажей. Это очень подзадорило казаковъ, и они просили ѣхать дальше. Я было не хотѣлъ, но потомъ согласился. Мы поѣхали впятеромъ: три моихъ казака и одинъ оренбуржецъ, неизвѣстно откуда явившійся.

Мы ѣхали скоро и въ темнотѣ наткнулись на турокъ. Они шли кучей и, держа ружья на плечѣ, стрѣляли назадъ, не оборачиваясь и не останавливаясь. Сбоку ихъ шли нагруженныя арбы. Я чрезвычайно испугался и остановился; но одинъ казакъ поскакалъ вдоль обоза и остановилъ 6 арбъ и кучу турокъ. Пришлось ѣхать за нимъ. Арбщики сейчасъ же убѣжали, а быки стали. Положеніе наше

было скверное. Турокъ было много, (потомъ оказалось больше 30 человѣкъ). Я думалъ, что насъ въ Карсъ отведутъ. Я дѣлалъ видъ, что за нами войска, и говорилъ туркамъ по турецки слова, которыя зналъ: „не бойся" и „бросай ружье".

Покуда я говорилъ это одному турку, другой, стоявшій съ другой стороны, приставилъ въ меня ружье, да и выстрѣлилъ въ упоръ. Пуля прошла подъ лѣвой рукой и черкеску обожгла. Когда меня освѣтило, я и самъ подумалъ, что убитъ. Турокъ былъ такъ удивленъ, что я не падаю, что ружье выронилъ. Помню, меня больше всего возмутила „низость" его поступка, и я подумалъ: непремѣнно его надо наказать, т. е. убить.

Тутъ я узналъ настоящую цѣну моего желанія говѣть и уѣзжать изъ отряда.

Въ рукѣ у меня не было оружія. Шашку вообще я не вынималъ. Мнѣ показалось, что именно этого турка надо шашкой ударить. Феска съ него упала, и середина головы была пробита. Онъ имѣлъ совершенно растерянный видъ. Я его и теперь помню. Я сталъ вынимать шашку; но она туго вынималась.

И тутъ я въ первый разъ за этотъ день вспомнилъ убитаго турка и слова Валуева. Еще я подумалъ о томъ, что вѣроятно насъ всѣхъ сейчасъ застрѣлятъ, и что незачѣмъ брать на себя лишній грѣхъ. Еще подумалъ о матери этого турка, (онъ былъ очень моложавъ). Я сталъ торопить казаковъ поворачивать арбы; а турокъ, — чтобы шли въ нашу сторону. Мы отправились.

На полъ пути встрѣтили Орбеліани съ десяткомъ казаковъ. Всѣ стали просить опять ѣхать за турками. Пришлось ѣхать, хотя мнѣ и не хотѣлось. Произошло опять то же самое. Опять человѣкъ 30 остановили. Когда мы ихъ гнали къ себѣ, одинъ

турокъ выстрѣлилъ мнѣ въ затылокъ. Пуля прошла близко отъ уха. Я не успѣлъ оборонить этого турка, потому что Орбеліани, ѣхавшій сзади, хватилъ его сейчасъ же шашкой по головѣ.

Вечеромъ другого дня стали формировать отрядъ казаковъ подъ начальствомъ князя Фердинанда Витгенштейна, чтобы идти въ Эрзерумъ къ Гейману. Я съ своей командой туда попросился, и мы вечеромъ поздно выступили. Меня стали опять донимать приступы дисентеріи.

Мы шли всю ночь. Было двѣ дороги: одна прямая въ виду Карса, другая лѣвѣе — въ горахъ. Мы пошли по прямой. Турки насъ увидѣли и напали. Насъ было 800 человѣкъ, ихъ вдвое или втрое больше. У нихъ были пушки. Кончилось тѣмъ, что казаки всѣ патроны разстрѣляли. Насъ погнали въ горы. Лошади такъ уморились, что казаки шли пѣшкомъ и тянули лошадей.

У меня было два вьюка патроновъ и потому достаточно. Мы залегли за камни и удерживали турокъ. Потомъ сѣли на лошадей и пустились скакать за отрядомъ, который подымался на горы по ущелью. Мы скакали внизу, а наверху были турки. Они хотѣли насъ отрѣзать, да не успѣли. Я ѣхалъ послѣднимъ.

Вдругъ вижу пѣхотнаго солдатика съ ружьемъ. Казаки проѣхали мимо него. Когда я съ нимъ поровнялся, то сообразилъ, что его сейчасъ турки поймаютъ. Я ему говорю: „берись за стремя“; но онъ ужъ ничего не понималъ. Казаки были недалеко. Я имъ закричалъ, но они не останавливались; а звать по имени на такое дѣло я не могъ. Я проѣхалъ мимо солдатика. Тогда вспомнилъ я и турка, и Валуева, и подумалъ, что если меня теперь убьютъ, то какъ разъ будетъ хорошо. Я крикнулъ казакамъ: „кто со мной“ и вернулся. Когда я

подъѣзжалъ къ солдатику, меня нагнали три казака. Казакъ одинъ закричалъ солдатику: „садись сзади!“. Но солдатикъ былъ какъ полотно и не шевелился. Тогда казакъ слѣзъ и говоритъ: „садись!“ Но солдатикъ не могъ. Тогда еще одинъ слѣзъ и посадили. Турки были шагахъ въ ста и палили сколько могли. Но никто изъ нихъ не догадался слѣзть, и вѣрно потому не попали.

Все это продолжалось минуты двѣ, три. Никогда, ни раньше, ни послѣ, не было такъ спокойно на душѣ. Когда мы поскакали къ своимъ, это состояніе спокойствія и ясности прошло. Опять сталъ думать, какъ бы уйти отъ смерти, и потому опять почувствовалъ безпокойство. Мы потомъ дали этому солдатику лошадь, и онъ съ нами пробылъ больше мѣсяца. Онъ ходилъ руками рвать траву для своей лошади, чѣмъ всегда забавлялъ казаковъ. Онъ былъ совсѣмъ еще молодой парень — послѣдняго набора.

Мы кое какъ ушли отъ турокъ и нечаянно наѣхали на мѣсто, гдѣ драгуны сдѣлали неудачную атаку на траншею. Поле было устлано мертвыми. Многіе, вѣроятно еще живые, когда ихъ взяли, были положены на большіе камни, такъ что голова выступала за камни, и видно было, что подъ головой былъ разведенъ огонь, и головы сжарены.

Казаки стали копать могилы кинжалами. Мы тутъ и заночевали.

Было холодно и пошелъ дождь. У меня сдѣлалась лихорадка и бредъ. Кромѣ бурки ничего не было. Промокъ совсѣмъ, даже стонать сталъ. Одинъ казакъ все съ себя снялъ и меня укуталъ, а самъ всю ночь подъ дождемъ ходилъ. Холодно было сидѣть. Я былъ такъ не здоровъ, что не воспротивился. Мнѣ все представлялся убитый турокъ, и пробитая голова, и солдатикъ, и жареныя головы драгунъ. Никогда не забуду этой ночи.

Мнѣ припоминается еще одинъ случай, который произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Это было послѣ взятія Карса. На 8 ноября, въ день имянинъ Великаго Князя, былъ назначенъ парадъ. Я поѣхалъ посмотрѣть. Собрались войска, собрались начальники; пріѣхалъ Лорисъ-Меликовъ, пріѣхалъ и Великій Князь.

Великій Князь обратился къ Лорису съ благодарственной рѣчью, крикнулъ въ его честь „ура!“ и сталъ его обнимать. Всѣ кричали и, повидимому, были очень рады. Вдругъ, откуда ни возьмись, появился въ пространствѣ между войсками и начальствомъ духоборскій фургонъ. Всѣ такъ ликовали, что раньше его не замѣтили. Стали кричать на духобора и гнать лошадей. Изъ середины фургона послышались стоны. Онъ былъ нагруженъ ранеными. Около Карса много камней. Фургонъ прыгалъ по камнямъ. Раненые жалобно стонали. Духоборецъ гналъ лошадей; а изъ фургона на землю тоненькой струйкой бѣжала кровь. Всѣ это видѣли, и для всѣхъ этотъ случай немного испортилъ торжество. Я уѣхалъ на мѣсто своей стоянки, не дожидаясь его окончанія.

По окончаніи войны я не захотѣлъ возвращаться въ Петербургъ къ той жизни, отъ которой бѣжалъ, и перевелся въ линейный казачій полкъ.

На зиму насъ расквартировали по Ахалкалакскому уѣзду. Въ этомъ уѣздѣ живутъ духоборы, сосланные сюда изъ Россіи. Когда мы проходили черезъ духоборческое село, Троицкое, и ночевали тамъ, мнѣ въ первый разъ случилось видѣть, какъ живутъ духоборцы, и я былъ пораженъ ихъ зажиточностью, ростомъ, красотой и отсутствіемъ заби-

тости и подобострастія въ выраженіи ихъ лицъ.

Случилось, что въ то время, когда я сидѣлъ въ хатѣ вмѣстѣ съ духоборцемъ хозяиномъ, на улицѣ, казакъ упустилъ лошадь, а урядникъ за это его ударилъ. Мы съ хозяиномъ духоборцемъ видѣли это въ окно. Духоборецъ, хозяинъ хаты, обратился ко мнѣ и спросилъ, вѣрю ли я въ иконы? Я отвѣтилъ, что вѣрю.

— Почему?

— Потому что на нихъ образъ Божій, — сказалъ я.

— А можно ли икону бить? — спросилъ духоборецъ.

Я сказалъ, что нельзя.

— А какъ сотворенъ человѣкъ? — продолжалъ спрашивать духоборецъ.

Я сказалъ, что по образу Божію.

Тогда онъ сказалъ: „Какъ же такъ, живой образъ Божій бить можно, — вотъ урядникъ ударилъ казака, — а доску съ ликомъ нельзя? Почему?

Не имѣя, что̀ отвѣтить, я сталъ доказывать, что онъ ничего не понимаетъ. Духоборецъ молчалъ. Когда я остановился, онъ не сталъ отвѣчать на мои доводы, а спросилъ: „А Евангеліе читали?“

Я отвѣтилъ, что читалъ и читаю.

Тогда онъ сказалъ: „Читать то вы можетъ и читаете, да вижу не понимаете, — прочтите еще“.

Больше онъ не сталъ со мною говорить, хотя я и старался съ нимъ заговаривать.

Зимой я читалъ Евангеліе и очень заинтересовался ученіями духоборъ и молоканъ. Въ журналахъ искалъ статей о нихъ и покупалъ книги о ихъ ученіяхъ.

Зная Евангеліе, я видѣлъ, что они ближе къ нему, чѣмъ православные.

Весной мы пошли въ Эрзерумъ, а осенью заняли новую границу. Я командовалъ сотней и охранялъ 70 верстъ границы. Лѣтомъ жили въ горахъ по границѣ, а зимой спускались въ мѣстечко Кагызманъ на Араксѣ. Хозяинъ моей квартиры былъ турокъ. Я скоро выучился по турецки и подружился съ семействомъ хозяина. Черезъ нихъ я зналъ, что дѣлается въ области. А дѣлались невѣроятныя вещи. О всемъ разсказывать длинно.

Упомяну только объ одномъ сосѣднемъ уѣздномъ начальникѣ, Карагезовѣ, который выгонялъ турокъ, туземныхъ жителей, изъ ихъ домовъ, дома ломалъ, а дерево съ домовъ продавалъ въ казну по 80 рублей за сажень. А то сгонитъ помощью казаковъ всѣхъ болѣе богатыхъ турокъ своего уѣзда къ своей квартирѣ, окружитъ казаками, а самъ уѣдетъ. Турки спрашиваютъ, для чего ихъ сюда пригнали? Никто ничего не отвѣчаетъ, а домой не пускаютъ. Наконецъ турки догадываются, что надо заплатить; платятъ, кто 5, кто 10, кто 20 рублей, и уѣзжаютъ домой.

———

Кагызманскій уѣздный начальникъ, Драчевъ, также часто требовалъ казаковъ для совровожденія своихъ чиновниковъ по селамъ и Куртинскимъ кочевкамъ. Разъ онъ потребовалъ полъ сотни для сопровожденія чиновника на Куртинскую зимовку. Они уѣхали. Меня стали безпокоить мысли о томъ, какъ бы тамъ не случилось смертоубійства. Чиновники очень дорожатъ охраной казаковъ и позволяютъ имъ всякія безчинства. Я зналъ, что курды народъ горячій, и боялся смертоубійства и побоища, — зналъ, куда поѣхали казаки, и поѣхалъ за ними Когда я пріѣхалъ на зимовикъ, то велѣлъ казакамъ не говорить чиновнику о моемъ пріѣздѣ, и пошелъ въ саклю къ Куртинамъ, чтобы разспросить въ чемъ дѣло. Мнѣ

дывающимъ хозяйствомъ, такъ какъ въ то время оно чрезвычайно меня поразило.

Веденіе дѣлъ въ полку, въ особенности денежныхъ, было чрезвычайно безалаберно. Начальство боялось командира полка, Принца Ольденбургскаго, и смотрѣло сквозь пальцы. Наконецъ стало извѣстно, что въ денежномъ ящикѣ не хватаетъ около 25 тысячъ. Въ виду того, что командовалъ полкомъ Принцъ Ольденбургскій, подъ судъ никого отдавать нельзя было. Завѣдующаго хозяйствомъ удалили и назначили меня. Но я предъявилъ начальству условіе, безъ согласія на которое не хотѣлъ занять этой должности. Дѣло въ томъ, что каждый казачій полкъ обязанъ дѣлать расходы, на которые казна не отпускаетъ денегъ, или отпускаетъ въ смѣшномъ размѣрѣ, (насколько помню, на пріемный покой для полка въ 1000 чел., отпущено было 13 рублей). Деньги на такіе расходы командиры полковъ берутъ изъ той экономіи, какая остается отъ покупки фуража. Напримѣръ, казна за пудъ сѣна отпускаетъ 50 копѣекъ, а пудъ сѣна покупается за 20 копѣекъ. Вотъ 30 копѣекъ съ пуда и идутъ на подобные расходы. Но дѣло въ томъ, что никому не извѣстенъ ни приходъ, ни расходъ подобныхъ денегъ, ибо покупка по книгамъ всегда показывается или по казенной цѣнѣ, или на 2—5 копѣекъ меньше. Это имѣетъ слѣдствіемъ то, что положеніе завѣдующаго хозяйствомъ чрезвычайно двусмысленно. Въ виду этого, я просилъ у начальства права показывать въ книгахъ дѣйствительную покупную цѣну, а также и расходъ остающихся отъ покупки денегъ. Ближайшее начальство не согласилось. Не согласился и я.

Тогда корпусный командиръ, генералъ Джемарджидзе, потребовалъ меня въ Тифлисъ и спросилъ о причинѣ отказа. Я объяснилъ.

До сихъ поръ ко мнѣ приходили только крестьяне Харьковской губерніи; но скоро беззаконіе начальства дало мнѣ случай познакомиться съ тѣмъ, что творится въ сосѣдней Курской губерніи.

Изъ Курской губерніи стали приходить крестьяне, умоляя защитить отъ грабежа поповъ. Пришлось писать письма этимъ попамъ, напоминая имъ о Богѣ, а также и Курскому архіерею съ просьбами объ обузданіи алчности его подручныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пришлось познакомиться съ двумя случаями угнетенія крестьянъ Курской губерніи начальствомъ и помѣщиками.

Въ Рыльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, находится Глушковская суконная фабрика. Къ фабрикѣ приписано было 22 села, крестьяне которыхъ находились на правахъ „поссесіонныхъ". Фабрика принадлежала Потемкину и, раньше еще освобожденія крестьянъ, по наслѣдству досталась графу Рибопьеру. У графа Рибопьера было много долговъ. Онъ выхлопоталъ приказаніе считать поссесіонныхъ крестьянъ крѣпостными; получилъ выкупъ; а такъ какъ крестьяне не соглашались добровольно стать крѣпостными и лишиться своей земли, то 16 человѣкъ запороли до смерти, а многихъ сослали. Съ тѣхъ поръ крестьяне платятъ за свою землю, которую имъ дали въ надѣлъ, а бо̀льшая часть ея отошла Рибопьеру, который продалъ ее нынѣшнему ея владѣльцу, Ѳ. Терещенко.

Со времени освобожденія крестьянъ, Глушковскіе крестьяне не переставали просить вернуть имъ ихъ землю и не брать съ нихъ выкупа. Имъ отвѣчаютъ экзекуціями. Жизнь лучшихъ и честнѣйшихъ крестьянъ стала невыносима, всѣхъ ихъ преслѣдуютъ и помѣщикъ, и исправникъ со становыми, и старшины. Всѣ старшины на жалованьи у Терещенко,

ихъ и не были мнѣ по душѣ, тѣмъ не менѣе жандармскій полковникъ счелъ своимъ долгомъ учредить надо мною надзоръ. По смыслу выходило такъ, что я пріобрѣлъ кличку „соціалистъ“ и попалъ подъ тайный надзоръ за то, что ни самъ не нарушалъ закона, ни другимъ по мѣрѣ своихъ силъ не позволялъ его нарушать. Все это, вмѣстѣ съ все болѣе и болѣе выяснявшимся для меня истиннымъ назначеніемъ войска, заставило меня вторично выйти въ отставку.

Я пріѣхалъ въ деревню въ Сумскій уѣздъ и уговорился съ моей матерью, что буду заниматься хозяйствомъ, и доходы ея не уменьшатся. Но скоро это соглашеніе разстроилось, такъ какъ мы оба убѣдились въ томъ, что слишкомъ различно смотримъ на вещи.

Поводомъ послужилъ фруктовый садъ. Во время моего дѣтства никому бы не пришло бы голову продавать яблоки,—они съѣдались,—но теперь продавали, т. е. сдавали садъ въ аренду пріѣзжимъ садовникамъ. Я было не хотѣлъ сдавать, по моя мать настояла сдать, потому что если не сдать, то мужики будутъ красть и поломаютъ деревья. Я сдалъ зимой за 600 руб. и получилъ задатку 75 руб. Но весной ударилъ морозъ, побилъ цвѣтъ, и садовникъ, взявшій садъ, убавилъ цѣну на 150 руб. и лучше соглашался потерять задатокъ, чѣмъ прибавить. Я очень обрадовался, отдалъ ему задатокъ и сказалъ, что дѣло наше разстроилось.

Когда стали поспѣвать яблоки, моя мать начала меня пилить: и денегъ нѣтъ, и садъ поломаютъ. Она настояла, чтобы нанять сторожей, но ихъ я выбралъ.

Надо сказать, что крестьянскій выгонъ подходитъ какъ разъ къ саду, и на немъ въ особенности въ

праздникъ масса ребятъ и мужиковъ, пасущихъ лошадей. Прежде, когда я пріѣзжалъ въ отпускъ, мнѣ было всегда чрезвычайно непріятно ходить въ фруктовый садъ и видѣть эту массу ребятъ, стоящихъ вдоль сада, ибо не имѣлъ права ихъ позвать. Но теперь я ихъ позвалъ и сказалъ, что они могутъ всегда ходить и ѣсть сколько хотятъ и домой понести, но не много. Они сперва не вѣрили, но потомъ стали ходить. Я имъ объяснилъ, что ночью лазить въ садъ незачѣмъ (прежде всю ночь шла въ саду пальба), потому что могутъ ходить днемъ. Когда собрали яблоки, я отдалъ половину тѣмъ старикамъ или ихъ семьямъ, которые при дѣдушкѣ садили этотъ садъ.

И еще продалъ на 200 руб.

Моя мать не могла ничего сказать, но была очень недовольна и главнымъ образомъ на то, что „мужики“ ходятъ въ садъ. Но кромѣ нея всѣ были довольны. Въ особенности сторожа, которые могли ночью спокойно спать.

Исторія съ садомъ и еще другія въ томъ же родѣ показали, что дѣло у насъ съ матерью не пойдетъ.

Тогда моя мать предложила отдать мнѣ часть земли съ тѣмъ, чтобы я не вмѣшивался въ ея часть. Я согласился. Она подарила мнѣ 430 десятинъ, изъ нихъ 100 десятинъ лѣса и луга.

Велось трехпольное хозяйство, и земля отдавалась въ аренду крестьянамъ по 20 рублей за десятину. Паръ отдавался около 2-хъ рублей подъ пастьбу, т. е. 42 рубля за кругъ, за три казенныхъ десятины. Цѣна эта очень велика (теперь она еще больше), и арендующій крестьянинъ получаетъ только ту выгоду, что есть гдѣ работать. На своей землѣ я сбавилъ цѣну и бралъ, вмѣсто 42 рублей,

30 рублей за кругъ, и, кромѣ того, позволялъ безплатно пасти на лугу послѣ уборки сѣна.

Въ то же время я сталъ строить себѣ хуторъ на своей землѣ.

Но тутъ начались непріятности. Я пріобрѣлъ репутацію „добраго барина“ и начались просьбы. Я зналъ, что изъ моихъ подачекъ добра выйти не можетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ отказывать.

Со мной начиналось то, что было разъ со мной, когда я былъ еще на службѣ:

Меня безъ моего вѣдома назначили предсѣдателемъ полковаго суда, и я объ этомъ узналъ, когда было уже поздно назначить другого. Судили урядника за кражу у товарища сѣдла. Этого урядника (Несмашновъ) я зналъ. Онъ былъ чрезвычайно способный и самолюбивый человѣкъ. Его сотенный командиръ былъ человѣкъ чрезвычайно недалекій и обидѣлъ его. Онъ пустился во всѣ нелегкія и кончилъ проступкомъ самымъ постыднымъ въ глазахъ казаковъ. Но я зналъ, что все это онъ сдѣлалъ какъ говорятъ „нарочно“ — въ „пику“ начальству и себѣ. И вотъ мнѣ приходилось его судить, тогда какъ я зналъ, что истинный виновникъ не онъ, а его сотенный командиръ.

Во всю бытность мою на службѣ я никого подъ судъ не отдавалъ и чрезвычайно рѣдко наказывалъ урядниковъ, а казаковъ почти никогда. Если они плохо учились, я отсылалъ ихъ домой, говоря, что они, вѣроятно, сегодня не расположены учиться, и самъ уходилъ. Это было для нихъ самое тяжелое наказаніе. Урядники и казаки этимъ стращали невнимательныхъ.

Ну такъ вотъ пришлось судить.

Сѣли мы, т. е. я и члены за столъ, поставили зерцало, и я приказалъ привести подсудимаго.

землѣ крестьянъ. Крестьяне не согласились, во первыхъ потому, что желѣзная дорога, огибая ихъ село, отдѣляла ихъ отъ ихъ земли и выгона, а, во вторыхъ, потому, что единственнымъ средствомъ ихъ существованія была перевозка муки съ мельницы на станцію.

Губернаторъ, Фонъ-Валь, предлагалъ имъ отъ имени Рыловникова, своего большого друга, нѣсколько тысячъ за землю; но они не согласились и написали министру прошеніе черезъ губернатора. Это прошеніе до министра и не дошло. Между тѣмъ губернаторъ устроилъ отчужденіе земли. Когда же ему донесъ исправникъ, что крестьяне будто бы хотятъ сопротивляться, онъ во главѣ войскъ явился въ Гапоново. Крестьяне вышли къ солдатамъ съ хлѣбомъ-солью; но баталліонный командиръ назвалъ ихъ бунтовщиками и хлѣба не принялъ. Тогда начались невообразимыя вещи. Всѣхъ мужиковъ согнали въ кучу на полѣ, окружили солдатами и тамъ продержали всю ночь. Пятнадцать же человѣкъ по списку, составленному Рыловниковымъ, заперли отдѣльно въ пустой клунѣ. Женщины подняли вой и кинулись къ отцамъ, мужьямъ и братьямъ; но солдаты, по приказанію своихъ начальниковъ, стали ихъ бить и гнать домой. Въ это время съ поля пришла скотина и, чувствуя, что что то не ладно, стала метаться и ревѣть. Ревъ коровъ, плачъ женщинъ и ругательства и крикъ солдатъ слились въ одинъ гулъ. Говорятъ очевидцы, — картина была потрясающая. На другой день пріѣхалъ отъ Рыловникова, гдѣ онъ остановился, губернаторъ Валь и началъ сѣчь тѣхъ, на кого ему указалъ заранѣе Рыловниковъ. Онъ считалъ удары и стоялъ такъ близко, что его обрызгали кровью. Въ числѣ указанныхъ Рыловниковымъ былъ солдатъ-кавалеръ, по закону избавленный отъ тѣлеснаго наказанія. Онъ заявилъ объ этомъ гу-

себѣ 20 десятинъ и надѣялся, что со временемъ ихъ будетъ мнѣ хватать, и что остальную землю буду отдавать дешевле. Завелъ пасѣку и научился ходить за пчелами. Также учился косить и пахать. Съ рабочими жилъ, обѣдалъ и работалъ вмѣстѣ.

Тутъ я въ первый разъ узналъ про Льва Николаевича Толстого; но никакъ не могъ достать его сочиненій. Наконецъ досталъ его соч. „Въ чемъ моя вѣра„ по французски и прочелъ его. Читалъ я эту книгу при особенной обстановкѣ. Я присутствовалъ при медленной и мучительной смерти своего дѣдушки (отца моей матери), котораго очень любилъ и уважалъ. Смерти я не боялся, и видъ умирающаго, кромѣ хорошихъ мыслей, ничего не вселялъ. Этому я обязанъ этому же дѣдушкѣ, который, когда я былъ малъ, водилъ меня съ собой къ умирающимъ старикамъ на селѣ, и я рано привыкъ видѣть, какъ надо умирать.

Когда онъ очень мучился (у него была астма, и онъ то задохнется, то опять прійдетъ въ себя), и ему давали лѣкарства, я зналъ, да и докторъ зналъ, что они не помогутъ, — что надо лѣкарство не такое, которое его бы поправило — такого не было, — а надо такое, которое помогло бы ему умереть. Это видно, и всякій крестьянинъ и всякая баба это знаютъ. Ну вотъ я читалъ ему Евангеліе, и читалъ для того, чтобы ему облегчить смерть.

Вотъ въ такое то время я читалъ „Въ чемъ моя вѣра“. Это было цѣлое откровеніе. Единственный темный для меня пунктъ въ Евангеліи сталъ ясенъ. Я говорю о противленіи насиліемъ злому.“ Все Евангеліе стало стройнымъ ученіемъ, и я принялъ его.

Мнѣ трудно было достать „Въ чемъ моя вѣра“

вѣстно, то еще многіе крестьяне стали отвозить свои иконы. Крестьянъ, отвезшихъ иконы, стали называть штундистами, и Харьковскій архіерей разослалъ по епархіи во всѣ волости и школы брошюру: „Проклятый штундистъ“, написанную для возбужденія ненависти населенія противъ, такъ называемыхъ, штундистовъ.

Эта брошюра, написанная стихами, слѣдующаго содержанія:

Проклятый штундистъ.

Гремите церковные громы,
Возстаньте соборныя клятвы,
Разите анаѳемой вѣчной
Штундистовъ отверженный родъ.

Штундистъ разрушаетъ догматы,
Штундистъ отвергаетъ преданье,
Штундистъ порицаетъ обряды;
Еретикъ онъ — проклятый штундистъ.

Господь нашу русскую церковь
Великою славой почтилъ;
Ее, нашу мать дорогую,
Злословитъ проклятый штундистъ.

Какъ звѣзды на тверди небесной,
На нашей родимой землѣ
Сіяютъ священные храмы:
Бѣжитъ ихъ проклятый штундистъ.

Возносятся въ храмахъ молитвы,
Поются церковныя пѣсни,
Совершаются Тайны Святыя:
Хулитъ ихъ проклятый штундистъ.

Святителей нашихъ великихъ.
Заступниковъ русской земли,
И пастырей нашихъ духовныхъ
Позоритъ проклятый штундистъ.

Поемъ-ли молебны на пашняхъ,
Источники-ль водъ освящаемъ,
Господень-ли крестъ лобызаемъ,
Глумится проклятый штундистъ.

Суровый и мрачный, какъ демонъ,
Чуждаясь людей православныхъ,
Скрывается въ темныхъ притонахъ
Врагъ Божій — проклятый штундистъ.

Но чуть простодушный заглянетъ
Въ берлогу коварнаго звѣря,
Хулой, клеветою и лестью
Изловитъ проклятый штундистъ.

Когда эта постыдная брошюра попала мнѣ въ руки, я написалъ подъ каждымъ куплетомъ опроверженіе подлинными словами Спасителя или апостола, проставилъ главу и стихъ и послалъ архіерею черезъ Павловскаго священника. На всѣхъ брошюрахъ, попадавшихъ мнѣ въ руки, я дѣлалъ такія надписи изъ Евангелія. Вотъ нѣкоторыя изъ выписокъ изъ Священнаго Писанія, вставленныхъ мною противъ соотвѣтствующихъ мѣстъ стихотворенія:

Изъ тѣхъ же устъ исходятъ благословеніе и проклятіе: не должно, братья мои, сему такъ быть.
(Посланіе Іакова, гл. III, ст. 10).

Какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста.
(Еванг. отъ Матѳ., гл. XII, ст. 34).

Какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы.
(Еванг. отъ Матѳ., гл. VII, ст. 2).

Всякій, гнѣвающійся на брата своего,—подлежитъ суду.
(Еванг. отъ Матѳ., гл. V, ст. 22).

Какъ воробей вспорхнетъ, какъ ласточка улетитъ, такъ незаслуженное проклятіе не сбудется.
(Притчи Солом., гл. XXVI, ст. 2).

Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что меня прежде возненавидѣлъ.
(Еванг. отъ Іоанна, гл. XV, ст. 18).

Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ и когда отлучатъ васъ и будутъ поносить, и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына человѣческаго.
(Еванг. отъ Луки, гл. VI. ст. 22).

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга.
(Еванг. отъ Іоанна, гл. XIII, ст. 34).

Благословляйте проклинающихъ васъ.
(Еванг. отъ Матѳ., гл. V, ст. 44).

Наконецъ Харьковскій архіерей прислалъ въ Павловки двухъ ученыхъ поповъ, чтобы опредѣлить, какая тамъ завелась секта, какъ они говорили. Эти попы велѣли мѣстнымъ попамъ устроить „бесѣды“ и разъяснить прихожанамъ правильность православнаго ученія. Но дѣло у нихъ не пошло, ибо на бесѣдахъ крестьяне заставляли поповъ читать Библію и Евангеліе, и Слово Божіе изобличало самихъ поповъ (напр. 13 и 14 главу „Премудрости Соломоновой“ 23 гл. отъ Матѳея).

На одной бесѣдѣ мѣстные священники рѣшили напоить своихъ сторонниковъ и возбудить драку. Бесѣды велись въ школѣ. И вотъ въ комнату учителя принесли водку; и до бесѣды, и во время ея поили мужиковъ и возбуждали ихъ ненависть про-

На другой день была суббота, пришли выборные. Потребовалось такъ много, потому что крестьяне арендаторы жили тремя поселками. Я имъ сказалъ, что хочу продать имъ землю, цѣна та же, что и залогъ, т. е. 27 рублей за десятину — они должны будутъ этотъ долгъ взять на себя. Расходы по купчей заплачу я (я думалъ, что они велики).

Они подумали, какъ потомъ мнѣ говорили, что я смѣюсь надъ ними, и не рѣшались ничего отвѣчать. Но я это предвидѣлъ и сказалъ имъ, что я ихъ позвалъ для того лишь, чтобы они выслушали мои слова и передали ихъ односельчанамъ, что я прошу ихъ это дѣло держать въ тайнѣ и завтра всѣмъ обществамъ пріѣхать ко мнѣ. А теперь они могутъ идти — я все сказалъ.

На другой день собралось все общество и я опять повторилъ свое предложеніе. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Человѣкъ 10 самыхъ зажиточныхъ и вліятельныхъ домохозяевъ стали говорить противъ покупки. Пошла безтолковщина, стали говорить вещи, совсѣмъ до дѣла не относящіяся. Я былъ пораженъ и ничего не понималъ. Нѣсколько лѣтъ спустя я бы сразу понялъ, въ чемъ дѣло, ибо безъ этой безтолковщины, на посторонній взглядъ, не обходится ни одинъ сходъ — такая ужъ манера вести дѣла. Но тутъ я ничего не понималъ. Такъ прошло нѣсколько времени. Я слушалъ и смотрѣлъ и, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло. Тѣ, кои не соглашались купить землю, хотѣли на этихъ условіяхъ купить ее себѣ.

Я подошелъ, попросилъ помолчать и сказалъ: „такъ какъ такіе то не хотятъ покупать, то и не надо. Купитъ общество, а земли имъ можно и не давать, если они не хотятъ.“ Тогда все измѣнилось и несогласные не только забыли свое несогласіе, но

и рвать ихъ. Одинъ парень, начавшій читать Евангеліе и бросившій пьянство и гульбу, послѣ того, какъ его отецъ, по наущенію попа, разорвалъ его Евангеліе и пригрозилъ его выгнать, если онъ будетъ ходить ко мнѣ, пустился во всѣ тяжкія и, наконецъ, ограбилъ экономическаго кассира. Сидя въ холодной вмѣстѣ съ посаженными туда за отказъ отъ присяги „штундистами", онъ клялся и говорилъ, что до преступленія его довели попъ и его отецъ. Наконецъ попы узнали, что меня высылаютъ, и возликовали.

Я получилъ бумагу явиться къ исправнику, чтобы выслушать постановленіе министра.

Догадываясь, что это за постановленіе, я не поѣхалъ, а просилъ собрать сходъ и простился съ крестьянами. Я имъ объяснилъ, за что̀ меня высылаютъ и почему не предаютъ суду.

Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ исправникъ, становой и человѣкъ десять солдатъ, и исправникъ прочелъ мнѣ бумагу, изъ которой я узналъ, что высылаюсь въ Закавказье на пять лѣтъ.

Когда я спросилъ, какъ я туда попаду, то онъ отвѣтилъ, что дастъ мнѣ проходное свидѣтельство, и что я долженъ ѣхать на свой счетъ. Я отказался взять проходное свидѣтельство и сказалъ, что на такія поѣздки не намѣренъ тратить свои деньги.

Они уѣхали, обѣщаясь пріѣхать за мной черезъ двѣ недѣли.

Я уложилъ вещи и приготовился къ отъѣзду. Черезъ двѣ недѣли опять пріѣхали становой, полицейскій офицеръ и солдаты (они думали, что крестьяне не дадутъ меня взять). Мы поѣхали. Село наше длинное, — около 10 верстъ. Пришлось ѣхать селомъ. Крестьяне всѣ вышли на улицу и прощались со мною. Многіе плакали.

представить, какъ выйдетъ при первомъ способѣ, и какъ при второмъ." Я составилъ на бумагѣ раздѣлъ по двумъ способамъ. — „Выслушайте, какъ выходитъ, и тогда, я думаю, прійдете къ соглашенію. Мнѣ все равно, сами смотрите, какъ лучше." Я имъ прочелъ по списку то количество, которое по каждому способу упадетъ каждому, и они согласились дать землю обратно пропорціально имѣющейся у каждаго надѣльной. Подѣлили по душамъ. Землемѣръ былъ тутъ же и по моему списку нарѣзалъ землю.

Когда они согласились о дѣлежѣ, то я сказалъ: „Вы знаете, что купили и ту землю, на которой стоитъ мой хуторъ. Она теперь ваша, но и я человѣкъ, и мнѣ нужно мѣсто на землѣ. Какъ скажете, уходить мнѣ или можно оставаться?" Они сказали, что можно оставаться, и изъ остатковъ прирѣзали къ хутору, всего съ хуторомъ 7 десятинъ. Хотѣли дать приговоръ, но я не взялъ, потому что все равно въ судъ бы не пошелъ.

Рабочихъ я распустилъ. Коровъ и лошадей пораспродалъ, оставивъ двѣ коровы и одну лошадь-кобылу. Жить одному мнѣ нельзя было, держать рабочихъ не хотѣлось, и я сдѣлалъ такъ: на селѣ жилъ одинъ бѣдный мужикъ, — честный и непьющій совсѣмъ. Онъ былъ бѣденъ, а семейство большое, и все дѣвочки. Одинъ былъ только сынъ лѣтъ 16-ти. Вотъ я и предложилъ ему поселиться на хуторѣ. Онъ согласился и переѣхалъ на хуторъ и прожилъ со мной, пока это было подходяще для обоихъ. Разстались мы друзьями. Жили вмѣстѣ больше двухъ лѣтъ. Онъ женилъ сына, выстроилъ хату на купленной землѣ и перешелъ туда.

Хуторъ мой оказался на хорошемъ мѣстѣ. Какъ я и предполагалъ, на купленной землѣ крестьяне

III.

ПИСЬМА О ПОХИЩЕНИИ.

Изъ письма Д. А. Хилкова къ А. К. Чертковой, (написаннаго нѣсколько дней спустя послѣ похищенія дѣтей).

Въ Сентябрѣ Цецилія уѣхала на зиму въ нѣмецкую колонію, Екатериненфельдъ, такъ какъ здѣсь зимой очень трудно для дѣтей. Хата мала, а на дворѣ непролазная грязь. Въ первыхъ числахъ Октября пріѣзжала сюда моя мать и между прочимъ спросила меня, отдалъ-ли бы я крестьянамъ имѣніе, если бы оно ко мнѣ попало. Я сказалъ, что объ такихъ вещахъ не хочу ни думать, ни говорить. Тогда она сказала: „Я теперь рада, что сдѣлала одно дѣло. Ты попомнишь мнѣ это, да поздно будетъ". Я только теперь догадываюсь, что она намекала на отнятіе дѣтей, о которыхъ хлопотала еще въ Маѣ и для чего ѣздила изъ деревни въ Петербуръ. Я проводилъ мою мать въ Тифлисъ, оставался тамъ нѣсколько дней и вернулся въ колонію. Женѣ и дѣтямъ жилось тамъ очень хорошо.
На третій или четвертый день моего пребыванія въ колоніи, вдругъ вечеромъ, вижу, подъѣхалъ фаэтонъ. Я вышелъ и вижу мѣстнаго пристава съ полицейскимъ офицеромъ. Я спросилъ, что̀ надо. Полицейскій офицеръ говоритъ мнѣ, что по Высочайшему повелѣнію (я подумалъ, что меня хотятъ увозить, и съ любопытствомъ слушаю — куда) присланъ отобрать у меня дѣтей Я подумалъ и ска-

залъ, что по русскимъ законамъ у меня нѣтъ дѣтей, за кѣмъ же онъ пріѣхалъ? Тогда онъ сказалъ: „не у васъ, а у Цециліи Винеръ, — вотъ бумага“. Въ бумагѣ написано: „По приказанію Государя Императора, отобрать у Цециліи Винеръ дѣтей, Бориса и Ольгу, и передать княгинѣ Хилковой“.

Я только тогда замѣтилъ, что и моя мать пріѣхала и сидитъ въ садикѣ съ дѣтьми. Я пошелъ и сказалъ Цециліи. Потомъ пошелъ къ своей матери и спросилъ, зачѣмъ она пріѣхала. Она стала что-то говорить о бумагѣ и о Государѣ.

Я взялъ Ольгу на руки, позвалъ Борю и пошелъ къ Цециліи. Моя мать начала говорить пріѣхавшему съ ней приставу, чтобы не пускать, но я пошелъ.

Въ комнатѣ на всѣ вопросы мои и Цециліи отвѣтъ одинъ: „мы ничего не знаемъ, Государь приказалъ“. Мы просили, чтобы оставить дѣтей переночевать. Моя мать воспротивилась и стала дѣтей изъ рукъ тащить. Дѣти плачутъ, Цецилія плачетъ, а они — мать и приставъ — тащатъ. Просто изъ рукъ тащатъ. Очень трудно было. Цецилія сказала, что съ ними пойдетъ. Отвели ихъ на квартиру мѣстнаго пристава. Уже совсѣмъ стемнѣло. Я предложилъ было Цециліи ѣхать въ Башкичетъ; но это было ей сверхъ силъ. Она сказала, что поѣдетъ до Тифлиса.

Сталъ искать фургонъ. Нѣмцы говорятъ: „нельзя ѣхать, завтра воскресенье“. Я пошелъ къ старшинѣ нѣмцу и разсказалъ ему все. Онъ насъ пожалѣлъ и позволилъ фургону ѣхать. Нашелся тамъ же и фургонъ. Я спросилъ у пристава: „когда ѣдете?“ — „Въ 10 часовъ“. А потомъ узналъ, что они насъ обманули и заказали фаэтонъ къ 6-ти часамъ. Я сказалъ нѣмцу, что въ 6 часовъ поѣдемъ.

Всю ночь бѣгали съ квартиры къ приставу. Дѣти плачутъ въ новомъ мѣстѣ.

Моя мать стала мнѣ говорить, что не она это устроила, что я самъ виноватъ, и такъ далѣе. Я сказалъ, что никогда не ожидалъ этого отъ нея, во-первыхъ, какъ отъ своей матери, а во-вторыхъ, просто какъ отъ женщины. Если не она это устроила, то почему же принимаетъ участіе въ подобномъ дѣлѣ?

Утромъ мы поѣхали раньше фаэтона, но на второй верстѣ (до Тифлиса 60 верстъ) фаэтонъ съ приставомъ, моей матерью, съ горничной и дѣтьми, подъ конвоемъ полиціи, насъ обогналъ. Дѣтей закутали, чтобы насъ не видали.

Я уже отчаялся больше видѣть дѣтей. Ихъ могли сейчасъ же увезти изъ Тифлиса, а мы, ѣдучи шагомъ, могли доѣхать только ночью. И я подумалъ: впереди на четверкѣ злоба скачетъ, а сзади на тройкѣ (да еще одна хромая была) любовь. Злоба одолѣетъ. Ничего не подѣлаешь.

Вдругъ нѣмецъ фургонщикъ погналъ лошадей во весь духъ, и мы догнали фаэтонъ и ѣхали сзади. Проѣхавъ 15 верстъ, фаэтонъ остановился. Мы сзади. Дѣти увидѣли насъ и стали плакать и лѣзть на фургонъ къ матери. Ихъ оттащили. И моя мать стала просить пристава, чтобы не пускать насъ слѣдомъ; но онъ не согласился.

Опять поскакали. Не доѣзжая двухъ верстъ до станціи, фаэтонщикъ остановился, чтобы напоить лошадей. Нѣмецъ нашъ спрашиваетъ: „Развѣ не будешь кормить?“ Фаэтонщикъ отвѣтилъ уклончиво, и мы поняли, что онъ хочетъ прямо ѣхать въ Тифлисъ. Нашъ нѣмецъ соскочилъ и тоже сталъ поить. Видя, что и онъ думаетъ ѣхать безостановочно, я говорю: „Очень вамъ благодарны за то, что вы для насъ дѣлаете. За это нельзя заплатить, — Богъ

васъ наградить; но нельзя вамъ ѣхать за фаэтономъ: загоните лошадей, онѣ сроду такъ не скакали". А онъ отвѣчаетъ: „развѣ лошади дороже дѣтей? пусть пропадаютъ. Надо ѣхать за дѣтьми. Развѣ можно дѣтей у матери отбирать. Богъ даетъ дѣтей. Онъ знаетъ, кому даетъ, — и не могутъ люди у матери дѣтей отбирать".

И мы поскакали. На станціи, смотримъ, фаэтонъ распряженъ. Моя мать просила пристава не пускать насъ; но онъ не согласится. Оказалось, фаэтонщикъ насъ пожалѣлъ и не поѣхалъ прямо. Мы ему все разсказали. Онъ заплакалъ, подковалъ нашему нѣмцу хромую лошадь и сказалъ, что послѣ насъ пріѣдетъ въ Тифлисъ. „Пусть денегъ и не платятъ, а я не поѣду скоро". А онъ бѣдный человѣкъ и самъ служитъ работникомъ.

И дѣйствительно, мы въ Тифлисъ раньше пріѣхали. И такимъ образомъ любовь перегнала злобу.

Въ Тифлисѣ поѣхали къ губернатору. Говоритъ, что ему приказано „отобрать" и ничего больше не знаетъ. Думаетъ, что просить или хлопотать безполезно.

Это было въ воскресенье вечеромъ. Въ понедѣльникъ мы взяли номеръ въ той же гостинницѣ, гдѣ были дѣти, и видѣли ихъ. Узнали стороной, что на другой день моя мать утромъ уѣзжаетъ. Я пошелъ и взялъ для Цециліи мѣсто въ той же каретѣ и, ожидая всякихъ пакостей, пошелъ къ полицеймейстеру и показалъ ему документы Цециліи.

На другой день, когда мать моя увидѣла, что и Цецилія ѣдетъ, то потребовала у полицеймейстера, чтобы ее не пускали, потому что у нея документовъ нѣтъ (Одинъ документъ передъ этимъ пропалъ; но полицеймейстеръ сказалъ, что онъ не нужный.) Полицеймейстеръ отвѣтилъ, что самъ ихъ видѣлъ.

„А я всетаки прошу не пускать". — „Ну, нѣтъ-съ, княгиня, извините-съ, этого ужъ я не сдѣлаю-съ", сказалъ полицеймейстеръ.

Они поѣхали. Вотъ что̀ пишетъ Цецилія объ этой дорогѣ:

„Мы миновали уже перевалъ, самое холодное мѣсто на Кавказскихъ горахъ. Княгиня съ дѣтьми и я ѣхали въ одной почтовой каретѣ, она занимала внутреннія мѣста, а я — верхнее, открытое.

„Дорога была чудно хороша. Солнце было уже высоко и, несмотря на позднюю осень, было еще замѣчательно тепло. Я смотрѣла кругомъ и невольно думала о томъ, какъ хорошъ и прекрасенъ Божій міръ, и какъ всякая маленькая тварь, здѣсь, въ этихъ дикихъ горахъ, свободно живетъ и выводитъ своихъ дѣтенышей, и никто ихъ не отнимаетъ у нихъ, а въ этой маленькой почтовой каретѣ, — сколько зла и страданій. И вѣдь это ѣдутъ не воры и не разбойники, а всѣми уважаемые люди, которые только что среди бѣлаго дня и на глазахъ у всѣхъ, по законамъ страны, и гордясь своимъ поступкомъ, вырвали дѣтей изъ рукъ родной матери и не дадутъ ей даже близко подойти или взглянуть на своихъ дѣтей. Эти мысли, хотя и безсвязныя и безпорядочныя, мучили меня всю дорогу. И все опять я возвращалась къ тому: какое право имѣютъ они? Не мнѣ нужно бояться и таиться, а — имъ, какъ преступникамъ.

„Когда мы подъѣхали къ какой-то станціи, я соскочила съ своего мѣста и подошла къ открытому окну кареты. „Иди, Оля", сказала я, „мама тебя подержитъ на рукахъ". — „Нѣтъ, нѣтъ, Цецилія Владиміровна, ужъ это я не позволяю", вскричала княгиня и поспѣшно стала закрывать окно. Но Оля уже тянулась ко мнѣ и кричала, и я просунула свои руки въ карету на встрѣчу Олѣ. „Это насиліе",

продолжала кричать княгиня, „я сейчасъ позову станціоннаго смотрителя“. — „Какъ вы можете говорить о насиліи, послѣ того, что̀ вы сдѣлали?“ И я взяла Олю и пошла съ ней.

„Бывшіе тутъ люди слышали этотъ разговоръ и стали съ удивленіемъ спрашивать: „Что̀ это значитъ? Чьи же это дѣти?“ Когда я разсказала, въ чемъ дѣло, кондукторъ въ негодованіи закричалъ: „Какъ это возможно? Какъ могли взять дѣтей у родной матери? Посмотрѣлъ-бы я, какъ бы у меня взяли моихъ дѣтей“.

„На другой станціи я вернула Олю и взяла Борю, и тогда княгиня сказала мнѣ: „Ну, хорошо, пусть будетъ ваша воля до вечера, а тамъ посмотримъ“.

„И пріѣхавши во Владикавказъ, она немедленно обратилась къ полицеймейстеру и просила его задержать меня. Это ей не удалось; но за то она въ Ростовѣ всетаки обманула меня и избавилась отъ меня“.

Изъ Владикавказа Цецилія писала, что нашла дѣтей въ гостинницѣ и взяла тамъ номеръ. Она пишетъ:

„Дѣти сейчасъ прибѣжали ко мнѣ. Не прошло и получаса, какъ стучатъ въ дверь, и влетаетъ въ комнату полицеймейстеръ съ разъяренными лицомъ. „Ваши бумаги“. Я дала. Потомъ, указывая на дѣтей и Дуню (горничная моей матери, которая очень насъ жалѣла и чѣмъ могла помогала), „а это кто у васъ?“ — „Это мои родныя дѣти“. — „Теперь это не ваши дѣти, по Царскому повелѣнію они переданы княгинѣ“, и хотѣлъ сейчасъ же вывести, но почему-то остановился и сталъ спрашивать. Когда я его попросила не принимать жестокихъ мѣръ и выслушать меня, онъ смягчился, взялъ бумаги и сказалъ, что спроситъ у Начальника Области.

„Сегодня утромъ я была у него и просила возвратить бумаги. Полицеймейстеръ былъ гораздо вѣжливѣе и сказалъ, что, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ самъ Государь отдалъ приказъ, то оно очень серьезно, и Начальникъ Области не берется рѣшить его, а отправилъ телеграмму Тифлисскому губернатору, такъ что раньше его отвѣта нельзя вернуть бумаги. Я вернулась въ гостинницу, и мы съ дѣтьми проплакали до самаго отъѣзда, 10 часовъ.

Вдругъ, при самомъ выѣздѣ, появляется полицеймейстеръ и передаетъ мнѣ бумаги. „Отвѣта отъ Тифлисскаго губернатора нѣтъ, но Начальникъ Области не считаетъ себя въ правѣ задержать васъ". Я поблагодарила его искренно отъ всей души; все-таки. значитъ, пожалѣлъ человѣкъ, даже самъ поспѣшилъ до отхода поѣзда передать бумаги. „Можете ѣхать". Господи, какъ я была рада. Дѣти успокоились, когда увидѣли, что и я ѣду съ ними.

„Когда я сѣла въ вагонъ, явился какой-то человѣкъ и сказалъ, что въ гостинницѣ нужно знать, куда я выѣзжаю. Я сказала: „Въ Харьковъ". Черезъ нѣсколько времени онъ опять прошелъ съ жандармомъ и указалъ ему на меня. Я находилась подъ надзоромъ, какъ воровка или убійца.

„До самаго Ростова я не видала дѣтей, потому что твоя мать закупорила ихъ въ вагонъ и не позволяла подходить къ окну. Въ Ростовѣ я ихъ нашла въ „дамской" и посидѣла съ ними немножко. Когда прозвонили уже два звонка, твоя мать мнѣ говоритъ: „Предупреждаю васъ, что вы опоздаете, мы ѣдемъ на директорскомъ". Я пошла къ швейцару спросить. Онъ сказалъ, что другой идетъ вечеромъ. Тогда я пошла къ Куколь-Яснопольской (она ѣхала съ княгинею), но онѣ переглядывались и старались сбить меня съ толку. Вещи мои были на поѣздѣ, и прозвонилъ третій звонокъ. „Скажите

мнѣ, по крайней мѣрѣ, куда вы ихъ повезете теперь?" — „Въ Павловки". Я обняла дѣтей, они плакали и цѣплялись за меня, я побѣжала...".

Потомъ оказалось, что мать моя сказала Цециліи, что ѣдетъ на директорскомъ, только для того, чтобы избавиться отъ нея.

Письма Цециліи Владиміровны изъ С.-Петербурга.

Послѣ отнятія у нея дѣтей, Цецилія Владиміровна поѣхала въ Петербургъ для того, чтобы подать Государю Императору прошеніе о возвращеніи ихъ ей. Но въ то время она еще не знала, что распоряженіе объ отнятіи у нея дѣтей воспослѣдовало на основаніи доставленныхъ Государю ложныхъ свѣдѣній о будто бы дурномъ отношеніи родителей къ дѣтямъ; и, не зная этого, она не запаслась никакими доказательствами для обнаруженія ложности этихъ свѣдѣній. Поэтому самому ея прошеніе, не прибавивъ ничего къ тому, что̀ было уже извѣстно государю по этому дѣлу, было оставлено безъ послѣдствій. Если-бы ей своевременно стало извѣстно то, въ чемъ она обвинялась, то она имѣла бы возможность предварительно собрать доказательства ложности этого обвиненія и предъявить эти доказательства вмѣстѣ съ своимъ прошеніемъ, которое въ такомъ случаѣ послужило бы разоблаченіемъ передъ Государемъ Императоромъ происшедшаго недоразумѣнія и, безъ сомнѣнія, получило бы въ Его глазахъ совсѣмъ иное значеніе.

Нижеслѣдующія отрывки заимствованы изъ писемъ Цециліи Владиміровны изъ С.-Петербурга:

I.

Генералъ Рихтеръ для свиданія назначилъ мнѣ быть въ Коммиссіи прошеній въ 2 часа. Я долго ждала его. Когда я вошла, онъ всталъ, взялъ у меня прошеніе и сталъ читать.

— Да, вы не крестили дѣтей?

— Нѣтъ, не крестили.

— А скажите, пожалуйста, дѣти всегда были при васъ, или они жили въ отдѣльной деревнѣ?

Когда я разсказала, какъ было дѣло, т. е., что дѣти всегда находились при мнѣ, — онъ сталъ говорить какимъ то возмущеннымъ тономъ, точно въ обидѣ за дѣтей, и въ этомъ тонѣ продолжалъ говорить все время.

— Ихъ нашли въ ужасномъ состояніи. Они были какъ звѣрьки. При томъ больны, у дѣвочки было выпаденіе кишки, грязныя, нечесанныя. У насъ собрано на этотъ счетъ масса показаній. Дѣти были совершенно заброшены.

— Это неправда, — вамъ даны ложныя показанія. У дѣвочки дѣйствительно было выпаденіе кишки, но это было послѣдствіемъ катарра желудка, который она нажила въ Башкичетѣ; но именно потому, что дѣти не переносили того климата, я и переѣхала съ ними въ колонію, и тамъ они стали поправляться. Наконецъ, какъ можно ставить болѣзни дѣтей въ вину родителямъ? Развѣ у той же княгини Хилковой не умерла дѣвочка отъ какой то болѣзни?

— Вы ихъ держали въ большой нечистотѣ, а чистота, какъ внутренняя, такъ и наружная — вещь необходимая.

— Я ихъ держала такъ, какъ было въ моихъ

силахъ, я не могла сдѣлать бо̀льшаго въ той обстановкѣ, въ которой мы жили.

— Да, но зачѣмъ вы себя и ихъ поставили въ необходимость такой обстановки?

— Мы прежде жили хорошо; но когда мужа сослали, мы не имѣли возможности жить иначе.

— Если вы въ самомъ дѣлѣ любите своихъ дѣтей, то какъ можете вы ихъ лишать всего: имени, положенія, состоянія?

— Мы не можемъ лишить ихъ этого: по закону они должны носить имя своей матери, а для того, чтобы они могли сдѣлать себѣ положеніе въ свѣтѣ, мы старались дать имъ тотъ внутренній капиталъ, благодаря которому они заслужили бы именно того, чего стоятъ.

— Какой это внутренній капиталъ? Вѣдь вы лишили ихъ всѣхъ правъ; значитъ не могли бы даже дать образованіе ни въ какомъ учебномъ заведеніи.

— Мы дали бы лучшее образованіе, чѣмъ въ учебныхъ заведеніяхъ. . . . и, наконецъ, если не въ Россіи и не въ Европѣ, то въ Соединенныхъ Штатахъ имъ всегда можно будетъ поступить въ учебное заведеніе и безъ всякихъ правъ и бумагъ.

— Но вы лишаете ихъ даже куска хлѣба, они нигдѣ не могутъ быть записаны и будутъ точно между небомъ и землей безъ всякой связи съ людьми, среди которыхъ живутъ.

— Мы старались дать имъ именно ту внутреннюю связь, которая прочнѣе и вѣрнѣе всякой внѣшней, — хорошее братское отношеніе ко всѣмъ людямъ.

— Любовью одной не заработаешь хлѣба.

— Для этого у нихъ будутъ здоровыя руки и ноги, развитой умъ, образованіе.

— Но это невозможно безъ имени, положенія.

Не имѣя внѣшней опоры, они неизбѣжно сдѣлаются анархистами, подобно ихъ отцу, который проповѣдывалъ коммунизмъ.

— Онъ не проповѣдывалъ коммунизма, его сослали за его религіозныя убѣжденія.

— Но почему же онъ отдалъ свою землю крестьянамъ? Онъ не имѣлъ права этого сдѣлать.

— Развѣ человѣкъ не имѣетъ права отдать то, что̀ ему принадлежитъ, тѣмъ, кого онъ пожалѣетъ?

— Нѣтъ, это родовое имѣніе, которое онъ обязанъ передать своему потомству, которое пускаетъ теперь по свѣту съ сумою. Если бы вы въ самомъ дѣлѣ любили своихъ дѣтей, вы бы не лишили ихъ всего. Вы не вѣрите въ крещеніе, ну и никто не можетъ измѣнить вашихъ внутреннихъ убѣжденій, но почему не посмотрѣть на это, какъ на простую формальность, чтобы дать положеніе дѣтямъ?

— Но вѣдь крещеніе таинство....

— Оставимъ религіозные вопросы въ сторонѣ, живя въ государствѣ, вы должны подчиняться его законамъ.

— Если крещеніе нужно, чтобы получить права, то вѣдь мы не просимъ ихъ. Если бы мы просили что нибудь у государства, то исполняли бы и его требованія....

II.

Я не могла уѣхать изъ Петербурга, не повидавшись съ дѣтьми. Мнѣ ужасна была мысль, что, проживши около мѣсяца въ Петербургѣ почти рядомъ съ ними, я такъ и уѣду, не повидавъ ихъ. Я знала, гдѣ они живутъ, и слышала, что они были больны и не выходили изъ комнатъ.

Иногда по вечерамъ, чтобы не быть замѣченной,

почти какъ воровка или преступница, я отправлялась въ Саперный переулокъ и ходила взадъ и впередъ передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ были заточены мои малютки. Этотъ домъ большой, четырехъ-этажный, каменный, мнѣ казался настоящей тюрьмой, и я, какъ-бы старалась проникнуть за стѣны его. Но могла ли я замѣтить что нибудь изъ того, что̀ дѣлалось въ третьемъ этажѣ за густыми шторами и занавѣсками? Я только съ особенной живостью мысленно могла воображать себѣ своихъ крошекъ во всякихъ видахъ, и сознаніе ихъ близости придавало этимъ мыслямъ невыразимую мучительность и вмѣстѣ что-то удовлетворяющее. Походивъ такъ нѣкоторое время, я возвращалась домой съ пустымъ и разбитымъ сердцемъ.

У меня не было ни малѣйшей надежды увидѣть дѣтей, но я все таки не могла рѣшиться уѣхать. Я знала, что княгиня Хилкова не впустить меня къ себѣ въ домъ. Вѣдь и въ Павловкахъ она позволила мнѣ видѣть дѣтей, только благодаря просьбамъ и настояніямъ ея брата, пріѣхавшаго вмѣстѣ со мной. Теперь она просто велѣла бы прогнать меня. Я стала думать и думать, какъ бы мнѣ все-таки добиться свиданія съ дѣтьми, и мнѣ пришло въ голову обратиться къ генералу Рихтеру. Онъ совершенно неожиданно для меня охотно согласился написать нѣсколько строкъ княгинѣ Хилковой, благодаря которымъ я могла проникнуть къ моимъ дѣтямъ. Тотчасъ же я взяла извозчика и поѣхала.

Княгини не было дома. Я почти часъ просидѣла на лѣстницѣ въ верхнемъ этажѣ, дожидаясь ея возвращенія. Когда она пріѣхала, и лакей ей подалъ письмо, она вышла въ сѣни и сказала мнѣ:

— Зачѣмъ вы хотите видѣть дѣтей?

— Какъ вы можете спрашивать объ этомъ? переспросила я ее.

— Изъ этого все равно ничёго не выйдетъ.

— Я не сказала, что что нибудь выйдетъ, я хочу видѣть дѣтей.

Она повела меня въ гостинную и сказала: „но больше четверти часа я вамъ не позволю ихъ видѣть". Затѣмъ пошла въ дѣтскую и вывела оттуда дѣтей.

Они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на меня. Я взяла маленькую Олю на руки и повела Борю съ собой къ дивану. Княгиня взяла стулъ и сѣла прямо противъ насъ. Я стала спрашивать дѣтей, помнятъ ли они меня и папу?

Боря сказалъ: „папу мы помнимъ, тутъ много его портретовъ, и онъ намъ телеграммы присылаетъ". Княгиня вставила: „про папу всѣ имъ напоминаютъ, папа очень хорошій человѣкъ".

— А напоминаютъ ли вамъ про маму? спросила я.

Боря потупилъ голову: „нѣтъ, не напоминаютъ, но мы помнимъ".

Между тѣмъ Оля смотрѣла на меня большими глазами и спрашивала: „ты чужая мама? Вѣдь у насъ нѣтъ мамы".

Боря прибавилъ: „намъ лакей сказалъ, что наша мама умерла".

Княгиня какъ бы разсердилась и сказала: „неправда, Боря, никто вамъ этого не говорилъ," и они заспорили.

Я сказала имъ: „если вамъ будутъ говорить, что ваша мама умерла, не вѣрьте, она жива и любитъ васъ и, если уѣдетъ, опять пріѣдетъ и никогда не забудетъ васъ, лишь бы вы ее не забыли". Я еще спросила Борю: „хотѣли бы вы опять жить съ папой и мамой въ Башкичетѣ или колоніи?

Боря опять понурилъ голову и сказалъ: „Да,

только тамъ было такъ грязно. Помнишь, какъ мы прямо руками копались въ грязи".

— Это неправда, мой мальчикъ, кто это тебѣ наговорилъ? Вѣдь мама вамъ не позволяла копаться руками въ грязи; вамъ, вѣрно, тоже и про маму разсказали, что она дурная, нехорошая.

Княгиня опять вмѣшалась: „никто имъ не говорилъ этого, и они давно забыли, что такое „злой" и „дурной", это они у васъ называли людей злыми, а теперь они милыя дѣти и не говорятъ больше такихъ словъ".

На это я ей ничего не отвѣтила, она была отчасти права; но я сейчасъ объясню, откуда у нихъ взялось такое раздѣленіе людей на добрыхъ и злыхъ. Два года тому назадъ, когда пріѣхала къ намъ полиція и увезла его отца, Боря былъ уже достаточно великъ, чтобы понять, что его папу взяли силой. Онъ видѣлъ горе мое и окружающихъ мужиковъ, и не могъ не понять негодующихъ восклицаній противъ виновниковъ этого горя. Тутъ онъ получилъ первое, хотя можетъ быть еще смутное понятіе о „злыхъ людяхъ". Вообще о полиціи онъ не былъ хорошаго мнѣнія, потому что эти господа насъ часто навѣщали и докучали своими придирками. Помню, какъ Боря на шутливый вопросъ моей сестры, хочетъ ли онъ быть урядникомъ, отвѣтилъ: „нѣтъ, урядники бэшки, они увезли папу и все спрашиваютъ бумаги и записываютъ". Четыре мѣсяца тому назадъ, когда опять къ намъ явилась полиція, имѣя во главѣ своей княгиню Хилкову, и вырвала дѣтей изъ нашихъ рукъ, Дмитрій Александровичъ въ порывѣ негодованія сказалъ Борѣ: „вотъ помни, Боря, что это твоя grand-maman, отбираетъ васъ у папы и мамы, она злая женщина и обманывала насъ, не вѣрь ей. она будетъ обманывать и васъ".

Естественно, что съ тѣхъ поръ, въ особенности,

всѣ люди для нихъ раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, и они, увидя новаго человѣка, прежде всего спрашивали, добрый ли онъ или злой, — вопросъ, который такъ изумлялъ людей, незнакомыхъ съ ихъ жизнью.

Мнѣ хотѣлось еще разспросить ихъ, что они дѣлаютъ, какъ играютъ, но княгиня Хилкова вынула часы и сказала: „уже половина шестаго". Это былъ знакъ, что мнѣ уходить. Я встала и спросила ее: „неужели вы можете имѣть что нибудь противъ того, если я еще разъ прійду проститься съ дѣтьми?"

— Когда же вы уѣзжаете?

— Я не знаю.

— Такъ напишите мнѣ и приходите, только когда я буду дома.

Я обняла дѣтей, они все какъ будто въ недоумѣніи смотрѣли на меня. Я ушла.

Какое свиданіе, Господи, какой жалкій и унылый былъ видъ у нихъ. И почему они были такъ печальны? Можетъ быть слишкомъ трудные для нихъ вопросы зашевелились въ ихъ дѣтскихъ головкахъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ вернулась я домой и рѣшила по крайней мѣрѣ оставить дѣтямъ на память отъ себя карточку, чтобы они вспоминали обо мнѣ хоть такъ, какъ вспоминали отца по портретамъ. На другой день я пошла къ фотографу, а когда черезъ недѣлю была готова карточка, я написала княгинѣ, что желала бы видѣть дѣтей.

Она прислала мнѣ своего человѣка и назначила 11 часовъ утра. Когда я пришла, княгиня опять было взяла стулъ, чтобы сѣсть противъ меня, — меня взорвало и я сказала ей: „неужели вы опять будете смотрѣть мнѣ въ глаза? Развѣ вы не можете себѣ представить, какое вы впечатлѣніе на меня

производите?“ Тогда она какъ бы спохватилась, встала и сѣла въ сторонкѣ.

Въ этотъ разъ дѣти были веселѣе и какъ бы обрадовались моему приходу. Боря оживленно азсказывалъ, что̀ они дѣлаютъ, какъ играютъ, гуляютъ, что̀ ѣдятъ, приносилъ показывать свои игрушки, а когда княгиня сказала: „а Оля поломала всѣ свои игрушки, у нея, кажется, уже нѣтъ“, я съ грустью замѣтила, что Боря уже измѣнился по отношенію къ своей маленькой сестрѣ, за которую онъ прежде всегда заступался, и тоже поддакивая бабушкѣ, сказалъ: „Олѣ не стоитъ дарить игрушки, она не умѣетъ играть“. Я посмотрѣла на Олю, она сдѣлала такое испуганное личико и чуть ме заплакала. Боря тоже разсказалъ мнѣ, что Оля много капризничаетъ. Когда я спросила вошедшую няню, правда ли это, княгиня за нее отвѣтила: „она кричитъ по цѣлымъ часамъ и бьется головой объ полъ. Ну, да теперь она стала всетаки лучше, чѣмъ была прежде“. Странно, Оля дома, напротивъ, меньше капризничала, чѣмъ Боря. Не потому ли здѣсь ея крикъ и капризы больше замѣчаются, что Борины прихоти и желанія всѣ исполняются, между тѣмъ какъ Олѣ малѣйшее ставится въ вину. Она больше все молчала и слушала. Боря съ особеннымъ выкрикиваніемъ началъ говорить какіе-то стихи безъ малѣйшаго пониманія, какъ выдрессированный попугай, но всетаки съ очевиднымъ сознаніемъ, что то, что̀ онъ теперь знаетъ, и чему его учатъ, гораздо лучше, чѣмъ все прежнее. Я его прервала: „будетъ этихъ, можетъ быть ты знаешь другіе — получше?“ Онъ началъ стихи о пойманной птичкѣ; и при этомъ обое вспомнили тѣ пѣсни, которыя я имъ напѣвала, укладывая ихъ спать, и попросили меня спѣть ихъ. Пѣть я не могла, но повторила имъ слова этихъ пѣсенекъ и, по просьбѣ Оли, разсказала ей сказку...

III.

(Къ Генералу Рихтеру.)

Ваше Высокопревосходительство! Вы пожелали узнать, какое впечатлѣніе произвели на меня мои дѣти послѣ ихъ разлуки со мною. Такъ какъ я легче выражаюсь письменно, то пишу Вамъ объ этомъ.

Прежде всего они произвели на меня впечатлѣніе пойманныхъ птичекъ, заключенныхъ въ золотой разукрашенной клѣткѣ, — они въ полномъ довольствѣ и безопасности, ихъ кормятъ конфектами и пирожными, ими интересуются; но они лишены солнечнаго свѣта, его тепла и свободы; и видъ ихъ унылый, раздирающій сердце. Я была увѣрена, что увижу ихъ цвѣтущими, здоровыми, какъ Вы говорили мнѣ, а они показались мнѣ чахлыми, поблекшими растеніями, потерявшими всю жизненную прелесть свою. Когда они жили подъ родительскимъ кровомъ, они выглядѣли, можетъ быть, мужиковато, грубовато; за-то были сильны, румяны, крѣпки. Теперь же тѣло у нихъ дряблое, пухлое, а цвѣтъ кожи совершенно безкровный...

Вы скажете: за то она обезпечиваетъ ихъ будущность, она даетъ имъ имя, положеніе, состояніе... Но, Боже мой, дайте намъ возможность доказать Вамъ, что и мы не лишимъ ихъ этого. Дайте намъ воспитать ихъ умными, сильными, образованными, здоровыми и добрыми людьми, и Вы увидите, что у нихъ тогда будетъ имя, положеніе, состояніе. Но Вы опять скажете: хорошо, только мы не позволяемъ Вамъ это дѣлать по-своему, вы должны подчиниться нашимъ указаніямъ и т. д. — Что же намъ дѣлать теперь? Мы не можемъ жить чужимъ

умомъ, а на Вашей сторонѣ сила, — и это ужасно, ужасно...

У меня сердце разрывается, когда я думаю о дѣтяхъ, и я не нахожу больше словъ, которыми могла бы умолить Васъ...

IV.

Письма матери о своихъ дѣтяхъ.

Въ виду того, что главнымъ основаніемъ для отнятія дѣтей Хилковыхъ у ихъ родителей послужили сообщенія о дурномъ обращеніи съ ними ихъ матери, я собралъ много отзывовъ по этому предмету у лицъ, близко знакомыхъ съ ихъ семейною жизнью; и всѣ эти отзывы, которыхъ слишкомъ много для приведенія ихъ здѣсь, въ одинъ голосъ указываютъ на самое любовное. внимательное и разумное обращеніе матери съ своими дѣтьми.

Я обратился также и къ Цециліи Владиміровнѣ съ просьбою самой сообщить мнѣ, какъ она вообще понимала задачи воспитанія, и каковы были ея взаимныя отношенія съ дѣтьми. Она мнѣ отвѣтила слѣдующими письмами. Достаточно прочесть эти откровенныя и безхитростныя сообщенія, каждая строчка которыхъ дышетъ неподдѣльною искренностью, для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что кромѣ безпредѣльной любви и самыхъ неутомимыхъ попеченій о ихъ благосостояніи эта мать ничего не могла проявить по отношенію къ своимъ дѣтямъ.

1.

Должна вамъ признаться, что выработанной системы у меня нѣтъ никакой, нѣтъ даже и правилъ, которыхъ я считала бы необходимымъ придержи-

ваться по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Съ одной стороны потому, что приходится приноравливаться къ ихъ характерамъ, которые еще не совсѣмъ выяснились мнѣ самой, а съ другой — потому, что постоянно является столько затрудненій и противорѣчій, что нѣтъ возможности установить опредѣленные пріемы обращенія.

Основныя черты ребенка обнаруживаются очень рано, съ самыхъ первыхъ дней его жизни, и мнѣ кажется, что основа моихъ двухъ дѣтей, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, одна — это твердость и упорство характера. Еще въ колыбели они до того настойчиво и упрямо выражали свои желанія, что я иногда приходила въ ужасъ, въ особенности, когда находила ихъ требованія неисполнимыми. У меня установленъ былъ такой порядокъ въ ихъ жизни, что кормила и укладывала ихъ спать всегда въ извѣстные часы, но случалось иногда, что они сопротивлялись этому порядку, и тогда ничто, никакія развлеченія, ни уговоры не помогали. Эти крошки всегда въ годъ, и даже еще меньше, способны были кричать по цѣлымъ часамъ и не отставали отъ своихъ требованій. Часто я приходила въ отчаяніе отъ такого упрямства, и если только бывала малѣйшая возможность, старалась предупредить его, дѣлая всевозможныя уступки (конечно, незамѣтныя для нихъ самихъ). Иногда мнѣ это и удавалось.

Но что̀ было дѣлать тогда, когда доходило все-таки до столкновеній? Я долго колебалась, мучилась, прибѣгала то къ одному, то къ другому пріему, избѣгая насильственныхъ мѣръ, но все безуспѣшно. Главное, что въ такихъ случаяхъ я сама теряла терпѣніе и равновѣсіе, что̀ было уже хуже всего; — и вотъ у меня мало по малу выработался такой исходъ. Когда Боря или Оля начинали капризничать, кричать или требовать, я выводила ихъ въ

сосѣднюю комнату и не впускала ихъ къ себѣ до тѣхъ поръ, пока они не успокоятся. Конечно, эта мѣра была вполнѣ насильственная, и мнѣ больно вспоминать теперь, когда ихъ уже у меня нѣтъ, что приходилось прибѣгать къ ней. Но что̀ же мнѣ было дѣлать другого? Я часто совѣтывалась и говорила объ этомъ съ другими женщинами матерями, читала разныя педагогическія книги, но нигдѣ не находила указаній и помощи.

Я собственно не могу сказать о своихъ дѣтяхъ, что они капризны. Капризы — что-то перемѣнчивое, шаткое, это — недовольство всѣмъ. Между тѣмъ у моихъ дѣтей желанія и требованія всегда были замѣчательно опредѣленны, и разъ они что нибудь задумаютъ, ихъ никакъ нельзя было отвлечь отъ этого предмета и подставить имъ какой нибудь другой. Говорятъ обыкновенно, что какъ капризы, такъ и упрямство дѣтей происходятъ вслѣдствіе баловства и слабости родителей, не выдерживающихъ характера по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Мнѣ этого упрека нельзя было дѣлать: разъ сказавши свое слово, я уже не отступала отъ него. Въ другихъ же семействахъ я наблюдала напротивъ, что родители были вовсе не такъ послѣдовательны, — легко уступали дѣтямъ, измѣняли свое слово; и дѣти все-таки не были капризны. Такъ что я думаю, что своеволіе и упрямство въ моихъ дѣтяхъ врожденныя качества, унаслѣдованныя ими отъ отца, а, быть можетъ, и отъ матери отчасти.

Нѣкоторые говорили мнѣ, что я именно своей настойчивостью и твердостью развиваю упрямство въ дѣтяхъ, что дѣтямъ слѣдуетъ предоставлять полную свободу, и что естественныя послѣдствія ихъ поступковъ сами научатъ ихъ всему, чему слѣдуетъ. Но это были люди, сами никогда не имѣвшіе дѣла

съ дѣтьми и знакомые съ воспитаніемъ только по „Эмилю“ Руссо или подобнымъ ему сочиненіямъ. Вѣдь всякій знаетъ, что есть безчисленное множество такихъ поступковъ, естественныхъ послѣдствій которыхъ нельзя дожидаться, а нужно предупредить самые поступки, и если это не удастся убѣжденіемъ, то приходится прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ.

Это очень печальная необходимость и, можетъ быть, даже вовсе не необходимость, но что̀ же дѣлать, когда негдѣ и не-у-кого научиться. Остается только мучиться, ошибаться и наконецъ выходить хоть какимъ нибудь способомъ изъ затрудненій. Это самое больное мое мѣсто, и я рада, что кончила о немъ говорить.

2.

Темпераменты моихъ дѣтей различны. Боря живой, вспыльчивый, горячій и болѣе поверхностный мальчикъ; Оля спокойна, сдержана и серьезнѣе. Какъ дѣвочка, она, конечно, понятливѣе и воспріимчивѣе, хотя и моложе своего брата, натура ея тоньше и совершеннѣе. Вотъ что мнѣ о нихъ пишетъ мужъ въ въ своемъ послѣднемъ письмѣ.

„Обрати вниманіе на то, что мое предсказаніе о Борѣ и Олѣ сбылось. Оля не забываетъ, а ей 3 года, а Борѣ 5-й. Я этимъ Борю не осуждаю, а радуюсь, что наши дѣтки такъ славно дополняютъ другъ друга. Оля будетъ сердце, а Боря голова и рука. Дай Господи, чтобы ихъ только не разлучали. „Воля“ направитъ, укажетъ цѣль „борьбы“. „Борьба“ же будетъ во имя „воли“. Такъ будутъ связаны братъ съ сестрой. Голова забываетъ, рука устаетъ и останавливается: одно сердце никогда не забываетъ и не останавливается, — хотя и устаетъ“.

Особенности ихъ ярче всего выступали въ ихъ играхъ. Боря рѣдко игралъ одинъ, у него не хватало терпѣнія довести игру до конца, и онъ больше искалъ шумнаго общества своихъ товарищей, надъ которыми командовалъ, хотя и былъ меньше ихъ всѣхъ. Оля же по цѣлымъ часамъ могла сидѣть одна, строя домики изъ кирпичиковъ или нянча своихъ куколъ. Всѣ ея игры отличались замѣчательной осмысленностью и выдержанностью.

Я старалась пріучить Борю къ менѣе грубымъ забавамъ; давала ему куклы, картинки вмѣсто принятыхъ кнутовъ, палокъ и вообще смертоносныхъ оружій, и меня радовало, когда я видѣла, что, несмотря на свою болѣе жесткую мужскую природу, онъ перенималъ мягкіе и нѣжные пріемы своей маленькой сестры. Помню, какъ однажды онъ приходитъ и говоритъ мнѣ въ недоумѣніи: „Мама, Ванька сказалъ, что мальчику нельзя играть въ куклы; развѣ это правда?“ Я отвѣтила ему: „глупымъ мальчикамъ нельзя, они и не умѣютъ играть въ куклы, это только умные могутъ“. И онъ остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ. Вообще я не дѣлала никакого различія между обоими дѣтьми и старалась противодѣйствовать вліянію постороннихъ людей, говорившихъ имъ, что дѣвочкѣ то-то стыдно, а мальчику того-то нельзя. Я учила ихъ, что все, что̀ стыдно дѣвочкѣ, то стыдно и мальчику, и что̀ можетъ мальчикъ, то можетъ и дѣвочка.

Особенно живо въ дѣтяхъ моихъ было чувство справедливости и правдивости. Помню, что они часто съ негодованіемъ разсказывали мнѣ, что кто нибудь солгалъ или обманулъ, и сами всегда говорили мнѣ правду и сознавались въ своихъ проступкахъ.

Особенную жалость они чувствовали къ больнымъ

и выражали ее тѣмъ, что приносили больному цвѣты и разсказывали ему сказки. (У Бори была особенная любовь къ цвѣтамъ, которая придавала его характеру нѣкоторую нѣжность и женственность).

Привязанность Бори къ родителямъ, и вообще къ кому бы то ни было, выражалась очень своеобразно: онъ любилъ мучить тѣхъ, кого любилъ, — щипать, кусать и приставать. При свиданіи въ Павловкахъ онъ не ласкался ко мнѣ, но вотъ что̀ мнѣ разсказывали послѣ. Когда я уѣхала, и всѣ вечеромъ сѣли за чайный столъ, былъ у княгини и приставъ. Боря всталъ со стола и спросилъ пристава: „Кто ты такой?“ На отвѣтъ его: становой приставъ — онъ сказалъ: „такъ это ты маму не пускаешь сюда, и это тоже ты папу не выпускаешь изъ Башкичета“ (онъ помнилъ, что такіе же дяди увозили его папу и такіе же схватили и его съ сестрой), и началъ пихать его ногами со стула и кричать: „ты злой, и ты, grand'maman, злая“ и сталъ бить и ее.

Въ Олѣ эта любовь къ родителямъ выражалась нѣжнѣе. Она чаще ласкалась. Ей было два года, когда она въ первый разъ была недѣлю въ разлукѣ со мною, но эта разлука произвела на нее такое впечатлѣніе, что долго послѣ того мнѣ стоило только сказать, что мама опять уѣдетъ въ Тифлисъ, чтобы она, какъ бы передъ тѣмъ ни капризничала, сдѣлалась кроткой и послушной.

Одѣвала я обоихъ дѣтей мальчиками, потому что костюмъ этотъ находила практичнѣе, какъ болѣе простой и лучше предохраняющій отъ простуды.

Что касается физическаго ухода за ними, то главная моя забота была направлена на то, чтобы они какъ можно больше находились на открытомъ воздухѣ. Я всегда больше боялась изнѣжить, чѣмъ

простудить ихъ, и это многіе объясняли недостаткомъ заботливости о дѣтяхъ. Но такъ какъ я совершенно убѣждена, что большинство недуговъ и болѣзней происходятъ именно вслѣдствіе чрезмѣрной заботливости и опасливости, то на такіе упреки не обращала вниманія.

Не могла я также обращать вниманіе на то, что нѣкоторые упрекали меня въ нечистотѣ, потому что чувствовала, что, напротивъ, дѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы поддерживать чистоту и порядокъ въ домѣ, и что если не достигаю высшей степени ея, (да и кто можетъ опредѣлить ее?), то только по невозможности. Хорошо говорить о чистотѣ тѣмъ, у кого полонъ домъ прислуги; — но мнѣ, которой самой приходилось выносить ее на плечахъ, особенно со времени ссылки мужа, въ этомъ отношеніи нельзя было дѣлать бо̀льшаго. Дѣтей я купала каждую недѣлю въ ванночкѣ, а по вечерамъ, передъ тѣмъ, какъ укладывала спать, обмывала имъ руки, ноги и лицо. Такъ какъ они бо̀льшую часть времени проводили на дворѣ, на землѣ или въ пескѣ, то, конечно, очень скоро пачкались; но стѣснять ихъ свободу и игры только ради одной чистоты я не могла, и потому старалась только какъ можно чаще мѣнять имъ платья.

Пища ихъ состояла главнымъ образомъ изъ молока, хлѣба, фруктовъ, яицъ, овощей и разныхъ кашъ. Мяса мы имъ совсѣмъ не давали, и они были очень крѣпки и здоровы.

Только когда мы жили въ Башкичетѣ, у Оли сдѣлался родъ лихорадочнаго поноса, (тамъ лихорадки принимаютъ всевозможные виды и формы), и послѣдствіемъ этого довольно продолжительнаго поноса сдѣлалось у нея выпаденіе кишки. Вначалѣ мы пробовали всякія средства, но такъ какъ

ничего не помогало, я бросила всякое лѣченіе и старалась дѣйствовать одной діэтой.

Удивлялись также многіе, (конечно, только изъ „господъ"), что я позволяю своимъ дѣтямъ бѣгать съ крестьянскими ребятишками и безъ присмотра, Но разъ мы жили въ средѣ крестьянъ, я не находила возможнымъ отдѣлить своихъ отъ чужихъ, во-первыхъ, потому что такое отдѣленіе непремѣнно бы развило въ нашихъ дѣтяхъ чувство обособленности и даже превосходства надъ крестьянскими дѣтьми, а во вторыхъ, потому что просто не имѣла физической возможности присматривать за ними больше, чѣмъ я это дѣлала.

Правда, я сама мучилась, что дѣтямъ приходится проводить столько времени въ обществѣ духоборскихъ ребятишекъ*): я видѣла, какъ они грубѣли и портились подъ его вліяніемъ, но пока мы жили въ Башкичетѣ, я ничего не могла сдѣлать противъ этого. Только когда я съ ними переѣхала въ колонію, въ болѣе благопріятныя условія, какъ относительно помѣщенія, такъ и климата, и мы оказались среди болѣе нравственнаго и благовоспитаннаго населенія, я немного успокоилась и отдохнула отъ заботъ и тревогъ.

Прелестный мѣсяцъ я провела съ дѣтьми въ этой колоніи, время, полное мира, тишины и радости. Вокругъ пустого пасторскаго дома, часть котораго мы занимали, былъ садикъ; въ немъ дѣти играли и бѣгали весь день, въ то время, какъ я съ работой или книгой въ рукахъ сидѣла тутъ же и слѣдила за ними. Прибѣгали къ намъ отъ сосѣдей нѣмцевъ

---

*) Духоборы, среди которыхъ тогда жили Хилковы, принадлежатъ къ такъ называемой „малой партіи", т. е. исполняющихъ всѣ требованія правительства, поступающихъ на военную службу и въ нравственномъ отношеніи распущенныхъ. В. Ч.

ихъ дѣти, и тогда между ними завязывались общія игры.

Единственные близкіе знакомые наши въ колоніи было семейство жившаго тамъ адвоката (у нихъ одинъ мальчикъ Олинаго возраста, Костикъ). Мы часто посѣщали ихъ, и они насъ также, а иногда мы предпринимали вмѣстѣ далекія прогулки въ горы, что̀ было настоящимъ праздникомъ для дѣтей.

Какъ радостно мы съ этими друзьями нашими строили планы на приближающуюся зиму, какъ мы вмѣстѣ будемъ коротать ее въ своихъ уютныхъ комнатахъ, — какъ дѣти наши вмѣстѣ будутъ играть, — вѣдь и у нихъ, и у меня единственной заботой и радостью были наши дѣти.

Могла-ли я тогда думать, что такъ внезапно, такъ жестоко они будутъ у меня вырваны, — что наше тихое, теплое гнѣздышко будетъ такъ безпощадно раззорено.

3.

Разскажу вамъ, какую роль играла въ нашей семейной жизни княгиня Хилкова, и каковы были наши обоюдныя отношенія, такъ какъ это неразрывно связано съ воспитаніемъ нашихъ дѣтей.

Въ 1889 году, въ Январѣ, я вышла замужъ за Дмитрія Александровича, и онъ написалъ объ этомъ своей матери въ Петербургъ. Затѣмъ мы поѣхали вмѣстѣ на хуторъ его въ Павловки, а весной пріѣхала въ свое имѣніе и его мать.

Имѣніе ея отстоитъ въ 5-ти верстахъ отъ хутора. Такъ какъ въ то время между сыномъ и матерью были очень дурныя отношенія, то ни онъ не бывалъ у нея, ни она у него, хотя и выражала свое желаніе опять сблизиться съ сыномъ двоюродному своему

брату Николаю Ѳедоровичу Джунковскому, жившему въ то время у насъ.

Только осенью она всетаки сама пріѣхала къ намъ и, помню, произвела на меня довольно пріятное впечатлѣніе своимъ простымъ и ласковымъ обращеніемъ. Очень можетъ быть, что меня подкупило то, что, хотя я и не была, по ея понятіямъ, законной женой ея сына, она всетаки признала меня таковой. Пріѣзжала она и еще нѣсколько разъ послѣ того, и очень принимала къ сердцу то, что мы живемъ, какъ она считала, такъ неудобно и бѣдно.

Она стала присылать намъ разныя вещи и съѣстные припасы, а когда на зиму уѣхала въ Петербургъ, прислала цѣлое приданое для ожидаемаго нами ребенка. Мнѣ непріятны были ея подарки, во первыхъ потому, что не хотѣлось встать, по отношенію къ ней, въ положеніе облагодѣтельствуемыхъ ею, а, во-вторыхъ, и потому, что подарки эти вовсе не были подходящіе къ нашей жизни и вообще намъ совсѣмъ были не нужны. Я отказывалась отъ нихъ, возвращая ей вещи, но она съ такой настойчивостью продолжала привозить и присылать намъ всякую всячину и такъ обижалась нашими отказами, что поневолѣ приходилось принимать. Вотъ эта наша уступчивость и деликатность были причиной того, что она стала смотрѣть на насъ, какъ на нуждающихся въ ея помощи, и все больше и больше вмѣшиваться въ наши дѣла, оказывая постоянно разныя нужныя и ненужныя услуги, такъ что подъ конецъ совершенно овладѣла всей матеріальной стороной нашей жизни такимъ образомъ, какъ будто пріобрѣла нѣкоторую власть надъ нами.

Когда она весною опять вернулась въ Павловки и пріѣхала къ намъ, я показала ей нашего маленькаго Борю, которому тогда было три мѣсяца. „Не-

правда-ли, какъ онъ похожъ на Диму?" сказала я ей радостно. Она отвѣтила въ негодованіи: „вотъ ужъ нисколько. Дима былъ красавецъ ребенкомъ, у него были чудные глаза и золотые локоны. Когда онъ былъ въ Италіи, его на улицѣ замѣтила греческая королева и взяла его къ себѣ въ карету. А этотъ что̀? Такъ себѣ, ничего особеннаго". Меня тогда очень озадачилъ и огорчилъ такой отвѣтъ. А какъ я жалѣла потомъ, что она со временемъ измѣнила свой взглядъ на нашего мальчика. Съ каждымъ днемъ она находила его милѣе и красивѣе, почти каждый день привозила ему какую нибудь новую игрушку, новую кофточку, шапочку и т. д. Когда же черезъ годъ она опять пріѣхала изъ Петербурга, то совсѣмъ пришла въ восторгъ отъ него и уже не знала, чѣмъ только выразить свою любовь.

Я должна сказать еще, что ея отношенія къ намъ не ограничивались одними подарками и услугами. Такъ какъ она была гораздо старше и, какъ я думала, опытнѣе меня въ дѣлѣ воспитанія, то я часто принимала и слѣдовала ея совѣтамъ, вѣря въ ея хорошее расположеніе къ намъ. Но эта моя податливость опять-таки послужила только къ тому, что она стала смотрѣть на меня, какъ на дурочку, и мало по малу начала командовать и понукать мною. Я не сразу рѣшилась противодѣйствовать такому обращенію, мнѣ все казалось (конечно по моей глупости), что это, можетъ быть, у нея только материнская строгость и требовательность по отношенію ко мнѣ. Когда же я наконецъ разобрала, что у нея ко мнѣ нѣтъ ровно никакого материнскаго чувства, а для нея просто я нянька его обожаемаго внука, то не захотѣла больше переносить такого обращенія и начала оказывать ей отпоръ, тѣмъ болѣе, что, благодаря собственному опыту,

сама скоро поняла, какъ неразумны бывали нѣкоторые ея совѣты, и какъ мало она смыслитъ въ дѣлѣ воспитанія.

Я уже писала вамъ, въ какомъ духѣ я старалась воспитывать дѣтей, и вамъ также хорошо знакома система воспитанія или вѣрнѣе дрессировка дѣтей въ высшемъ классѣ, — поэтому вы можете себѣ представить, какого рода столкновенія должны были происходить между мною и ею съ того времени, когда я начала дѣйствовать самостоятельнѣе и по собственному соображенію. По ея понятіямъ, я не такъ кормила, не такъ лѣчила своихъ дѣтей, и за все это она меня постоянно упрекала и пилила.

Въ 1891-мъ году у насъ родилась дѣвочка, Оля; Борѣ шелъ уже 3-й годъ, и въ это же время случилось, что мужу сдѣлали предложеніе добровольно покинуть Павловки, или вѣрнѣе, что его стало преслѣдовать правительство. Княгиня Хилкова это обстоятельство приняла очень близко къ сердцу, — начала ѣздить, хлопотать и просить за сына безъ всякой просьбы съ нашей стороны. Тѣмъ не менѣе она себѣ вообразила, что спасаетъ насъ, а такъ какъ ей дѣйствительно удалось на время предотвратить ссылку сына, она себѣ это поставила въ большую заслугу и въ своемъ поведеніи съ нами сдѣлалась еще назойливѣе.

Отношеніе ея къ Олѣ было уже совершенно иное, чѣмъ къ Борѣ. Въ Олѣ она не находила ничего прелестнаго, напротивъ, говорила про нее, что она противная дѣвочка, и что она вылитая мать. Борю она баловала до невозможности и старалась какъ можно чаще заманивать къ себѣ въ домъ. А такъ какъ я не позволяла ему одному бывать у нея, то онъ ѣздилъ только вмѣстѣ съ отцемъ. Игрушки, конфекты, конечно, соблазняли мальчика. Но я не могла не видѣть дурного вліянія такого баловства

и всѣми силами старалась противодѣйствовать ему. Такъ прошелъ еще годъ. Въ 1892 году, въ Февралѣ, Дмитрія Александровича сослали въ Закавказье, а я съ дѣтьми осталась въ Павловкахъ. Княгиня Хилкова проводила зиму въ Петербургѣ, а со своимъ возвращеніемъ въ деревню опять возобновила свои посѣщенія на нашъ хуторъ.

Въ Іюнѣ я поѣхала съ дѣтьми въ Богодуховскій уѣздъ погостить у сестры передъ тѣмъ, какъ перебираться совсѣмъ на Кавказъ. Княгиня Хилкова писала мнѣ письмо за письмомъ, торопя меня выѣздомъ. Она ужасно не любила, когда я гостила у своей сестры Джунковской, и разсказывала всѣмъ, что я съ ней вмѣстѣ чуть не истязаю своихъ дѣтей. Я же, напротивъ, находила, что любовная атмосфера въ домѣ сестры благотворно дѣйствовала какъ на дѣтей, такъ и на меня самое, и потому ѣздила къ ней каждый разъ, когда это позволяли обстоятельства.

Въ концѣ Іюля я получаю письмо отъ мужа, что онъ заболѣлъ, и несмотря на то, или именно вслѣдствіе того, что въ то время на Кавказѣ и вездѣ въ южной Россіи свирѣпствовала холера, я рѣшила ѣхать, не откладывая. Собиралась я ѣхать съ дѣтьми одна; но какъ мнѣ ни тяжело было, уступила просьбамъ сестры и мужа, уговаривавшихъ меня ѣхать съ княгиней Хилковой, — и мы поѣхали вмѣстѣ. Дорогой наши отношенія обострились окончательно. То, что она сама платила за всю дорогу, — что я согласилась принять ея помощь, подало ей опять поводъ считать себя нашей благодѣтельницей, и она держала себя невыносимо высокомѣрно и нахально по отношенію ко мнѣ. Въ Башкичетѣ она прожила около трехъ недѣль, и отношенія наши не улучшились, а, если можно только, еще ухудшились.

Въ Августѣ она уѣхала въ Петербургъ и. какъ мы узнали послѣ, начала хлопотать объ отнятіи у насъ дѣтей. Я забыла сказать, что еще задолго до этого, когда Борѣ было приблизительно 3-й годъ, и родилась уже Оля, она нѣсколько разъ просила меня и мужа дать ей Борю. „Дайте мнѣ только Борю“, говорила она, „а Оля пускай остается вамъ“. Когда же я ей не уступала въ чемъ нибудь, и она очень сердилась на меня, она говаривала: „хорошо же, попомните мнѣ это, вотъ увидите, что̀ я сдѣлаю“. И я догадывалась, что она намекала на отнятіе дѣтей; но считала это совершенно невозможнымъ, да и уступать ея требованіямъ никакъ не могла.

Въ теченіе всей зимы она продолжала присылать намъ посылки, ящики и сундуки съ разными вещами и припасами. Все, что̀ касалось дѣтей или меня, я складывала и относила на чердакъ, и сама шила дѣтямъ все, что̀ имъ нужно было.

Къ веснѣ, когда я узнала изъ писемъ ея къ мужу, что она опять собирается пріѣхать, на меня просто нашелъ ужасъ. Неужели, думала я, начнутся снова тѣ же передряги, нападки и безконечныя ссоры. Я не вынесу этого. Хуже всего, что это опять будетъ происходить при дѣтяхъ. И опять она будетъ соблазнять ихъ конфектами, игрушками, и будетъ внушать имъ, что у насъ грязно, гадко, — что они не должны впускать къ себѣ ребятишекъ, потому что они паршивые и т. д. Куда я дѣнусь и запрячу своихъ дѣтей?...

И вспомнила я тогда о другой сестрѣ, жившей съ мужемъ въ Карсѣ. Я была увѣрена въ ея гостепріимствѣ и въ томъ, что она предоставитъ мнѣ полную свободу по отношенію къ дѣтямъ; и потому рѣшила, что непремѣнно поѣду къ ней еще передъ пріѣздомъ княгини. Однако обстоятельства измѣнились: сестра моя уѣхала изъ Карса, и надо было

искать другого исхода. Въ то же время мы съ мужемъ вели переговоры о томъ, гдѣ бы мнѣ съ дѣтьми найти болѣе здоровое и удобное мѣсто на зиму, и такъ какъ наши знакомые намъ рекомендовали нѣмецкую колонію въ тридцати верстахъ отъ Башкичета, и тамъ нашли для меня отличное и дешевое помѣщеніе, то мы и порѣшили, что я переѣду туда.

Своей матери Дмитрій Александровичъ написалъ, что, если она пріѣдетъ въ Башкичетъ, я сейчасъ же уѣду куда нибудь съ дѣтьми, и потому она не рѣшилась прямо явиться къ намъ, а остановилась въ Тифлисѣ.

26-го Сентября, кажется, я переѣхала въ Екатериненфельдъ. О томъ, какъ мы тамъ жили, я уже писала вамъ. Что же касается княгини Хилковой, то она все таки ѣздила въ Башкичетъ къ сыну и по дорогѣ туда и на обратномъ пути заѣзжала ко мнѣ, чтобы повидать дѣтей. Затѣмъ она вернулась въ Тифлисъ. 19-го Октября пріѣхалъ Дмитрій Александровичъ и прожилъ съ нами нѣсколько дней, а 23-го наши дѣти были отняты у насъ.

Изъ всего, что я написала, вы видите, каково было мое отношеніе къ княгинѣ Хилковой. Не знаю, только, высказалось ли въ этомъ письмѣ также то чувство непріязни, которое развилось у меня къ ней въ глубинѣ души, и въ которомъ, мнѣ кажется, я должна признаться, чтобы быть вполнѣ правдивой. Я не могу скрыть, что оно у меня было. Одно могу сказать въ свое оправданіе, а именно что я никогда не давала волю этому чувству, и что, хотя и не могла заглушить его въ себѣ совсѣмъ, я, по крайней мѣрѣ, не давала ему надъ собою власти. Княгиня Хилкова не можетъ жаловаться, что я сдѣлала ей какое нибудь зло. Но я не могла не защищать своихъ дѣтей отъ нея, подобно тому,

какъ и насѣдка не можетъ не защищать своихъ цыплятъ отъ нападеній коршуна.

Даже теперь, послѣ всѣхъ страданій, причиненныхъ мнѣ ею, я могу сказать съ чистой совѣстью, что зла ей не желаю никакого, — что мнѣ даже никогда не приходило въ голову сдѣлать ей лично какую нибудь непріятность, лишь бы она отдала мнѣ моихъ дѣтей, лишь бы насъ оставить въ покоѣ.... А она пускай себѣ живетъ и благоденствуетъ.

4.

Разсказывая вамъ о воспитаніи и жизни моихъ дѣтей, я мысленно переживала всѣ радости и заботы того времени, и теперь, когда я кончила, я какъ будто снова почувствовала себя осиротѣвшей и лишенной главной цѣли и смысла жизни.

Мнѣ могутъ сказать: княгиня Хилкова хотѣла спасти вашихъ дѣтей отъ дурныхъ условій, въ которыхъ они росли у васъ, и поэтому и отняла ихъ у васъ. Но вѣдь они попали къ намъ и росли у насъ не по какимъ нибудь комбинаціямъ человѣческимъ, они даны намъ были самимъ Богомъ, и какое право имѣла она исправлять этотъ естественный порядокъ? Богъ такъ премудро устроилъ, что тѣ самые люди, которые произвели на свѣтъ дѣтей, передаютъ имъ и свои качества и способности, и потому никто другой не можетъ такъ хорошо понимать и направлять ихъ, какъ сами родители ихъ. По какимъ же соображеніямъ признали необходимымъ лишить насъ нашей естественной задачи — воспитывать нашихъ дѣтей; а дѣтей нашихъ—ихъ родной и естественной почвы?

Тѣ муки и терзанія сердца, которыя я постоянно испытываю, думая о моихъ дѣтяхъ, конечно, невозможно разсказать. Только тѣ, у кого были свои дѣти, могутъ ихъ себѣ представить.

DATE DUE			